

Моим родителям, Михаилу Николаевичу
и Елене Гавриловне Махаловым, истинно
православным, большая часть жизни которых
была связана с Третьяковской галереей,
посвящается...

О г л а в л е н и е

Предисловие	7
Глава I. История	9
Глава II. Третьяковы	21
Глава III. На пути к возрождению	32
Прелюдия	32
Двадцатка	34
Глава IV. Воссоздание	37
1992	37
1993	38
1994	44
1995	51
1996	58
1997	68
после 300-летнего юбилея...	73
Глава V. Архитектура	76
Глава VI. Живопись	83
Трапезная	83
Покровский придел	85
Никольский придел	89
Притвор	95
Четверик	95
Главный алтарь	98
Глава VII. Иконы	100
Глава VIII. Владимирская	109
Глава IX. Община	121
Клир	121
Приходское собрание	123
Хор	125
Паства	127
Благодетели	130
Приходские будни	131
Вне церковных стен	137
Паломники и миссионеры	140
Наша летопись	143
Галерея	145
Впервые... ..	146
Послесловие	151

Приложения

Хронология	156
Ведомость о храме 1834 г.	171
Записка о пристройке для ризницы 1914 г.	176
Клир храма	177
Посещение храма церковными иерархами	178
Попечители и жертвователи	179
Зодчие и реставраторы	180
Список икон, сохранившихся с 1929 г.	181
Л и т е р а т у р а	183
И л л ю с т р а ц и и	185

Отец небесный наш, святится твое имя,
И царствие твое придет на землю к нам,
А волею твоей живем мы и поныне:
Дай нам насущный хлеб и нашим должникам.

Не искушай Ты слабых наших душ:
От зла свою защиту не нарушь...

(Переложение автора)

Предисловие

«Идет ветер к югу, и переходит
к северу, кружится, кружится
на ходу своем, и возвращается
ветер на круги свои».

Еккл. 1, 6

Автору этих строк выпала счастливая судьба: провести первые 15 лет жизни на территории Третьяковской галереи. Причина проста. Его отец, Махалов Михаил Николаевич, проработал в ней художником-реставратором масляной живописи 43 года, придя в галерею впервые в 1935 году. Надо заметить, что тогда немало сотрудников галереи жили на ее территории: как перед Отечественной войной, так и после нее. Время было трудное, небогатое, жилья в стране не хватало. И сначала родители автора жили даже в подвале до сих пор сохранившегося дома справа от васнецовского фасада, а затем уже получили комнату наверху, куда будущего автора и доставили из родильного дома. Однако, хотя жить на территории музея людей вынуждали трудности бытия, – они, даже не зная об этом, тем самым продолжали традицию патриархального быта, шедшую от времен еще купеческой усадьбы. Удивительно, но даже сегодня «отзвук» этого быта отличает Третьяковскую галерею от многих других музеев.

Детство – лучшая пора жизни, жизни без особых забот, когда мир вокруг ярок и дружелюбен. Двор галереи был двором и детских игр. Точнее, двора было два: «у церкви», в южной части территории галереи, и «у дерева» – в северной. Именно по этим «ключевым» словам разыскивали по вечерам мамы своих чад. Так с раннего детства храм вошел в жизнь автора. Лишенный куполов и колоколни он не был храмом в истинном смысле. Вначале было только слово, но это слово было – ХРАМ. Мог ли автор тогда предположить, что почти через сорок лет ему выпадет судьба стать куратором от общины по восстановлению храма. Но в церкви ничего случайного не бывает, – так что это был ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ... Жаль только, что родители не дожили до того дня, когда храм вернул прежнее великолепие и в нем стали совершаться богослужения.

Истинное назначение храма к нему вернулось только сегодня, а до этого более полувека он хранил шедевры Третьяковской галереи и, слава Богу, хорошо хранил. И вот теперь в нем соединились две ипостаси: Литургическая и Музейная, а в совокупности для всех, как верующих, так и неверующих – храм стал национальным духовным и культурным наследием (илл. 1).

Вторая встреча автора с храмом состоялась в 1989 году, когда он вернулся в галерею, но уже ее сотрудником, в отдел информатики. А три года спустя эта встреча переросла в каждодневное свидание автора с храмом в течение пяти лет. Это общение нашло отражение в записях дневника, которые во многом подвинули автора на написание этих строк.

В этом скромном труде не ставилась цель создать путеводитель по храму, в котором центр тяжести должен находиться в иллюстративном материале. Остается надеяться, что это будет сделано в недалеком будущем. Здесь, главное, рассказать о

том, что неизвестно читателю и даже прихожанину храма, и наряду с новыми деталями в описаниях истории и богатого убранства храма развернуть перед его мысленным взором всю панораму истории, описания, возрождения храма и храмовой жизни.

Автор хотел бы надеяться, что она получилась достаточно достоверной, так как главное было: не погрешить против истины. Иисус Христос всем все прощал, – только к одному он не имел снисхождения: к фарисейской карикатуре на благочестие. Поскольку процесс восстановления не был устлан цветами, – он так и будет здесь описан.

И последнее, о чем необходимо сказать. Автор опирался на многие источники, приводимые в конце, в списке литературы. Но без живого участия свидетелей процесса восстановления картина бы была неполной. Поэтому автор благодарит настоятеля храма, о. Николая Соколова, прочитавшего рукопись полностью и сделавшего замечания, а также всех, способствовавших изданию этой книги.

Глава I. История

«Что было, то и будет;
и что делалось, то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем».
Еккл. 1,9

«Далекое кажется более почтенным».
Тацит

Напротив Кремлевского холма, за Москвой-рекой, охватывающей своей петлей низменный берег, раскинулась обособленная часть города, как бы противопоставленная центру, – Замоскворечье (илл.2). Его своеобразие, складывавшееся под влиянием географических и исторических причин, даже в чем-то сохранилось до наших дней. Местность, называемая также Заречьем или Замосковьем, впервые была упомянута в документах 1365 года, когда случился один из самых губительных пожаров в Москве. Эта пойменная территория в излучине Москвы-реки (до прорытия на месте старицы в 1786 году Водоотводного канала) заливалась паводками и начала заселяться значительно позже, чем левобережная нагорная часть. Долгое время здесь были только луга, выпасы, сады, огороды. К концу XV века Замоскворечье было застроено с севера до современного Климентовского переулка, а к югу еще лежали «всполья». Не случайно названия позже построенных там церквей включили словосочетание «на всполье». И в будущем сельский колорит в планировке и застройке сохранялся здесь дольше, чем в других частях Москвы, прилегающих к Кремлю. Но, несмотря на неудобства, Замоскворечье стало заселяться, потому что через него от Кремля шла еще в XIII веке дорога из русских земель в Орду, ставшая впоследствии важнейшим торговым путем.

Одним из первых здесь в XIV в. появилось дворцовое село Кадашево, впервые упомянутое в духовной грамоте Ивана III 1504 г. Но возникло оно раньше, так как о деревянном храме села было упомянуто еще в 1493 году, когда был великий пожар в Москве, и написано в грамоте князя Ивана Юрьевича Патрикеева в 1498 году. (Топоним может происходить от слов «кади», «кадки», то есть бочки, которые могли изготавливаться здесь, или древнетюркских слов «кади» – судья, а также «кадаш» – товарищ, член общины или слободы.) На основе дворцового села, вокруг Воскресенской церкви, образовалась Кадашевская хамовная слобода, вторая по величине, но самая богатая, где жили дворцовые ткачи (илл.3). Занимая центральное положение в Замоскворечье, она простиралась с запада на восток от Акиманки (Б.Якиманки) до Перепелкиной улицы (Б.Ордынки). На севере ее ограничивала Царицына улица (Кадашевская набережная), с юга – Николаевская улица (Б.Толмачевский переулок). В слободе было целых пять церквей. (Слобода – это территориально обособленное поселение свободных людей, близких друг другу по роду занятий или происхождению и имевших определенные льготы, получаемые от великого князя.)

С юга, между Приказной улицей (Старомонетным переулком) и улицей Мухина (М.Толмачевским), в Кадаши вклинивалась образовавшаяся примерно в то же время небольшая слобода толмачей (устных переводчиков, от немецкого слова «Dolmetscher»). На юге граница Толмачей доходила до Пыжжевского переулка, хотя четкой границы между Толмачами и Кадашами не было. Маленькие по площади Толмачи как бы вклинивались с юга в Кадаши.

Первоначально же толмачи поселились восточнее, совсем рядом с Татарской слободой, где жили переселенцы из приволжских татарских княжеств, там, где сейчас сразу за Пятницкой улицей Старый Толмачевский переулок. Примечательно, что неподалеку от Старых Толмачей, в 1-м Новокузнецком переулке, находится храм Спаса Преображения на Новой Болвановке, связанный с одним из важнейших событий для Руси. По одной из исторических версий, возле его деревянного предшественника в 1480 году Иван III встретил послов золотоордынского хана Ахмеда, с гневом изломал басму, то есть болвана, изображавшего самого хана, и отказался платить дань. Послов он велел казнить, отправив одного с известием обратно в Орду. Это знаменовало непризнание более власти орды над Москвой и фактически провозглашало падение 200-летнего татаро-монгольского ига.

Замоскворечье в то время ничем не было защищено от набегов врагов. Когда они наступали, все здесь выжигалось и население уходило на левый берег. Это случилось и при осаде литовским князем Ольгердом в 1367 и 1369 годах и во время нападения Тохтамыша в 1382 году. Замоскворечье горело во время нашествия Едигея в 1409 и Мазовши в 1451 годах. А после набега татар в 1571 году Заречье особенно сильно пострадало, и выжженные места долгое время пустовали. Есть основания с большой долей вероятности предполагать, что в тот период времени **уже существовал деревянный Никольский храм в Толмачах** – об этом свидетельствует датировка могильной плиты 1544 годом, найденной при раскопках у храма и помещенной в его экспозиции (илл.4).

Ситуация с защитой Замоскворечья от набегов улучшилась, когда Иван Грозный в 1550 году основал целую полосу стрелецких слобод и Климентовский городок-острожек рядом с Толмачами: вдоль нынешнего Климентовского переулка. А сооружение Скородома, защитного земляного вала с частоколом, при его сыне Федоре Иоанновиче в 1591-92 гг., ставшего оборонительным кольцом Москвы, повлекло значительный рост населения Замоскворечья.

Но это население тогда само отличалось беспокойным нравом: Замоскворечье стало очагом мятежей и восстаний, отсюда «начинал шуметь» народ московский, гостиные и черные сотни, отсюда же поднимались жившие по своим слободам стрельцы. К тому времени Замоскворечье состояло из военных, ремесленных и тягловых слобод. Боярских усадеб почти не было, служилые дворяне тоже редко селились здесь. И в последующие века Замоскворечье оставалось самой трудовой и демократической частью города, призванной обслуживать и кормить столицу и прежде всего – царский двор. Возникшие здесь позже богатые усадьбы принадлежали большей частью не дворянам, а купцам и промышленникам.

С этим периодом связано еще одно весьма знаменательное историческое событие, происшедшее в Замоскворечье и повлиявшее на историю всего Московского государства. В окрестностях церкви Климента 24 августа 1612 года ополчение Минина и Пожарского штурмом захватило городок-острожек, где находились польско-

литовские войска Хоткевича. Поражение поляков стало поворотным событием в борьбе с интервенцией. (Можно полагать, что каменные ядра, найденные при восстановительных работах у Николо-Толмачевского храма, относятся к тому времени, илл.5.)

Когда оборонное назначение Замоскворечья в начале XVII века отпало, оно начало быстро застраиваться, стабилизировались очертания кварталов. На месте толмачей, надобность в которых сократилась в связи с распадом Большой Орды, стали селиться торговые гости – купцы. Многие из них были из посадских людей, устраивавших здесь свои жилые дома и оставлявших в Китай-городе одни лавки.

К этому времени и относится первое упоминание о «церкви Великого Чудотворца Николы, да в пределе Иван Предтечь, что за Москвою рекою в Толмачах» в Приходной книге Патриаршего приказа за 1625 год. Из нее же следует, что настоятелем храма тогда был священник Климентий. О деревянном храме говорится также в Строельных книгах за 1657 г. в связи с расширением кладбища при храме. (До XVII в. в Замоскворечье строения были только деревянными, за исключением тогда еще монастырской церкви Иоанна Предтечи «что под Бором», в нынешнем Черниговском переулке, сооруженной в 1514 г.). Храм находился в центре Толмачевской слободы, на ее главной улице, получившей по храму название Николаевской (ныне Б.Толмачевский переулок). Рядом с храмом располагался Братский двор, где проходили общие собрания населения слободы, и помещалось ее управление. Так как в то время вместе с русскими толмачами проживали и толмачи из татар, не исключено, что часть Николо-Толмачевского прихода состояла из «лиц Магометанского вероисповедания». (В книге Ф.Соловьева, откуда взяты эти сведения, под приходом, в данном контексте, по-видимому подразумевается административная единица, а не сугубо церковная. Об отношениях же иноверцев и православных конкретных сведений нет.)

Любопытно, что в 1668 году в приходе были лица униатского и римско-католического вероисповедания, так как тогда там были поселены «полонные мещане Литовские и Польские». В последней четверти XVII в. церковь именовали по приделу «Иоанна Предтечи Ясовая» (1677).

Эпоха Петра I внесла заметную перемену в жизнь Замоскворечья. Прежде всего, в 1698 году, был уничтожен самый беспокойный элемент – стрельцы, которых к тому времени было порядка 50 тысяч. Они были выселены вместе с семьями. А после перенесения столицы в Петербург была разорвана тесная связь Замоскворечья с царским двором, что превратило его в глухое провинциальное захолустье с огромными кварталами, сплошь занятыми мещанскими и купеческими домами, да живописно расположенными среди них церквями. Больше любой другой части Москвы Замоскворечье способствовало репутации древней столицы как «большой деревни». Коренным населением района стали теперь торговые люди.

Однако церковное строительство испытало небывалый подъем к концу XVII в., – после долгих лет смуты с крестьянскими бунтами, неустойчивой властью, нашествием поляков. В Замоскворечье строительству способствовало расселение там каменщиков. (Большее количество храмов в России за такой же короткий период времени было построено только на рубеже XIX-XX вв., уже при достаточно совершенной строительной технике.) Это был расцвет в архитектуре московского само-

бытного барокко. Значительную роль в монументальном строительстве начало играть богатое купечество.

Гости, отец и сын, Кондратий и Лонгин Добрынины, прихожане храма Воскресения в Кадашах (илл.6), который они возвели на свой кошт с 1687 по 1695 г., решили построить каменный храм на свои средства и соседям в Толмачах вместо обветшавшего деревянного. (Гостями называли особо отличившихся в торговых делах купцов, занимавшихся и внешней торговлей, имевших особые привилегии и близких к правящим кругам. При проведении реформ Петром I Лонгин Добрынин в 1699 году был избран московским бурмистром в числе четырех от гостей, что указывает на его высокое положение и объясняет наличие у Добрыниных достаточных средств для такой постройки.)

Архитектурную стилистику они избрали другую, перейдя от нарышкинского стиля кадашевского храма к более простой версии московского барокко (илл.7). В новом каменном храме главный престол стал во имя Сошествия Святого Духа, по видимому, из-за предпочтения Господскому празднику праздникам Святых, а Никольский был перенесен в однобокую трапезную. (Однако только с 1697 по 1770 гг. церковь в деловых бумагах и книгах именовалась «Сошестввенскою», а затем стали опять прописывать ее «Николаевскою», во многом потому, что в устах народа она оставалась Николаевскою.) Крыша и полы в новом храме были деревянными. В 1697 году по окончании постройки храм был освящен. Рядом с храмом построили богадельню. В 1758 году ее выстроили заново. В эти годы в приходе насчитывалось 37 дворов.

9 января 1765 года, в третьем часу по полуночи, в храме была обнаружена значительная покража: «со святыхъ иконъ оклады, низанье, убрusy и прочее украшение и утварь церковная разграблена почти вся безъ остатку, ковчегъ серебряный съ запасными Дарами похищенъ и антиминсы съ престоловъ повержены на полъ». Хотя подозреваемые были допрошены, — украденное найдено не было, и только благодаря помощи богатых прихожан и, в первую очередь, недавно поселившегося рядом с церковью содержателя шелковых фабрик 1-й гильдии купца Ивана Максимовича Демидова, все необходимое было приобретено и богослужения продолжались.

По кончине И.М.Демидова, его вдова, Екатерина Лазаревна, в 1769 г. подала прошение на имя митрополита Амвросия с просьбой разрешить обратить левую часть трапезной в придел во имя иконы Богородицы «Утоли моя печали», сделать каменные полы и снабдить придел утварью. Духовная консистория дала согласие на придел в честь какого-либо праздника Богоматери, а не Богородичной иконы. Тогда, по желанию Демидовой, в 1770 г. был устроен, с установкой нового иконостаса, придел во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Это произошло при священнике Василии Павлове, а освятил придел в этом же году уже другой настоятель Иоанн Васильев. При устройстве нового придела два окна северной стены были растесаны, и прорублено между ними новое для улучшения освещенности нового придела. Так храм, хотя сделался теснее, но стал под непосредственное покровительство омофора Царицы Небесной, что ободрило и утешило клир и прихожан в следующем 1771 году во время чумы. Вследствие этой напасти по Указу Екатерины II погосты при всех храмах, в пределах городской черты, были навсегда закрыты для захоронений. Моровая язва нанесла большой ущерб благосостоянию толмачевских

прихожан, для восстановления которого потребовалось несколько лет. Икона, подаренная Демидовой, была установлена в иконостасе Покровского придела (илл.8).

В 1782 году Замоскворечье, при проведении административной реформы, было поделено пополам на две части: западную Якиманскую, в которой оказался храм Святителя Николая в Толмачах, и восточную Пятницкую. В том году храм претерпел небольшой ремонт: первоначально деревянная крыша храма, обветшавшая почти за сто лет, была заменена на железную по прошению священника Иоанна Васильева и старосты храма, купца Димитрия Саввина Шапошникова.

При пожаре Москвы 1812 года церковь не пострадала, а послужила надежным убежищем людям, спасавшимся от дыма и огня, поскольку деревянные дома прихожан выгорели во всей округе. Дьякон Федор Соловьев в своей книге говорит о сохранившейся плите на захоронении 1812 года (сделанном вероятно в виде исключения по причине военного времени, но вопреки Указу 1771 года). Там были погребены тела погибших во время неприятельского нашествия, в том числе и купца Федора Ивановича Серикова, не успевшего спастись в церкви от пожара и задохнувшегося от дыма на паперти: из-за гудевшего огня в храме его не слышали. Это захоронение находилось к югу от абсиды главного алтаря.

Богослужений в храме не было в течение пяти месяцев с момента входа неприятеля в Москву в начале сентября. Имущество церковное осталось целым, так как было скрыто под полом, но был утрачен Антиминс Сошестввенской церкви. В первой половине 1813 года в приходе восстановили девять домов. По окончании баталий по причине медленного восстановления прихода, составившего 12 дворов с 286 душами, храм был приписан к церкви Григория Неокесарийского на Полянке. Указ о восстановлении самостоятельности храма после подачи прошения прихожан вышел только в 1814 году. Сгоревшие в пожаре дом причта и богадельня были восстановлены.

Постепенно в приходе Николы в Толмачах появилось много обновленных красивых домов, перестроенных в модном тогда стиле ампир. Так, горевшая во время войны усадьба офицера гвардии Аммоса Демидова (сына крупного заводчика Прокопия Демидова), а впоследствии Марии Соллогуб в Большом Толмачевском переулке, напротив Лаврушинского, в 1814 году обрела нарядный шестиколонный портик (илл.9). В ней в 1826 году поселилась семья купцов Козлининых, вскоре после этого принявшая участие в перестройке нашего храма. Далее по переулку, прямо напротив Малого Толмачевского, в 1817 был построен дом для подпоручицы Е.С.Лобковой. (Позже, в 1852 г. его купил и расширил за счет дворовых построек почетный гражданин А.А.Медынцев, а в 1861 году купцы 1 гильдии Лосевы, тоже благотворители храма, к которым перешел дом, переделали фасад.) Он необычен глубокой лоджией мезонина с фигурным завершением, иллюстрирующей некоторую доморощенность архитектуры, характерную для Москвы (илл.10). Недавно особняк был капитально восстановлен. Рядом с ним несколько позже появился одноэтажный особняк купца Калганова. А в Малом Толмачевском, напротив храма, но ближе к набережной, в прекрасной усадьбе в 1814 году поселился купец 1-ой гильдии Почетный гражданин Алексей Семенович Медынцев, на протяжении сорока лет являвшийся старостой храма и бывший главным жертвователем на его переустройство (ныне – новодел). В 1835 году дом купчих Чижовых в Старомонетном переулке

перестроил купец М.А.Булочкин, также ставший одним из крупных жертвователей храма.

Но не только военные бедствия и пожары уносили жизни прихожан, а и не редкие в то время эпидемии. Однако во время эпидемий холеры в Москве Николо-Толмачевский приход по сравнению с другими потерял немного людей: 4 человека в 1830 году и 8 человек в 1848 году. В храме находится икона Иисуса Христа в терновом венце, подаренная храму нашей прихожанкой, исполненная маслом на холсте по образцу фламандской школы живописи (илл.11). На ее обороте надпись «Принесень 1830-го года ноября 2 дня в исходе дней холеры. За 8 рублей <неразб.> Господа нашего Иисуса Христа». (Многие годы икона хранилась в известной семье Гумилевых.)

К началу работ по перестройке храма в приходе уже было 24 дома и около 400 душ, то есть домов стало почти столько же, сколько и до войны. По большим праздникам храм уже не вмещал всех приходящих. К тому же стала креститься колокольня, построенная свяно с храмом, отчего трапезная дала трещины. И вот в 1834 году, по прошению прихожан, стараниями купцов 1-ой гильдии почетных граждан А.С.Медынцева и А.П.Шестова и приходского священника Н.Я.Розанова была перестроена трапезная «согласно с мыслию Митрополита Филарета (илл.12)» по проекту видного московского архитектора Ф.М.Шестакова и возведена новая трехъярусная колокольня (илл.13). Эту серьезную перестройку выполнили на средства купцов: А.П., П.П. и В.В.Кистовых, А.В. и Г.В.Чижовых, И.М.Козлинина, Б.В.Страхова. Новоустроенная трапезная была освещена 25 ноября 1834 года. Левый, Покровский придел – перед ранней литургией собором священников во главе с протоиереем, правый, Никольский – перед поздней литургией святителем Филаретом Митрополитом Московским.

В 1836 году на средства А.С.Медынцева рядом с церковью по Большому Толмачевскому переулку был выстроен каменный богадельный дом вместо деревянного и сооружена каменная церковная ограда (илл.14). На фасаде здания богадельни была установлена икона Святителя Николая. В 1845 году художником Малаховым с разрешения митрополита Филарета трапезная была расписана, а лепной карниз был заменен на золоченый.

Настоятель о. Николай Розанов в 1855 году скончался, и на его место митрополит Филарет назначил своего друга, магистра богословия, священника Василия Петровича Нечаева. О.Василий Нечаев происходил из семьи дьякона Тульской губернии. В 1848 году окончил Московскую духовную семинарию и год был преподавателем в Тульской Духовной семинарии. За сочинение о святителе Дмитрие Ростовском в 1849 году он получил степень магистра богословия и был переведен в вифанскую семинарию, а в 1852 году, в возрасте 30 лет, – в московскую. В 1853 году Василий Нечаев был рукоположен во иерея. Приняв священнический сан, он остался преподаванием и получил приход Николая Чудотворца в Толмачах.

Став настоятелем, о. Василий сразу обеспокоился завершением всех строительных работ по храму. Поскольку из-за недостатка средств четверик не удалось перестроить сразу по возведении трапезной, эти работы возобновились только в 1856 году. На прошение о.Василия, причта и прихожан Митрополиту Филарету было получено разрешение на обновление четверика и перестройку главного алтаря. Обветшавший резной золоченый иконостас был заменен новым, повторяющим ис-

ходный, с прежними иконами. Художник Степанов выполнил настенную живопись. Средства на обновление храма пожертвовали купец М.А.Булочкин, почетные граждане: братья Медынцевы, купец А.Н.Ферапонтов и Александра Даниловна Третьякова с сыновьями Павлом и Сергеем. Символично, что в год обновления храма было положено начало коллекции будущего музея. Его основателю, Павлу Михайловичу Третьякову, тогда исполнилось только 24 года. В доме в Лаврушинском он поселился за 5 лет до этого. Дом был куплен им с братом у семьи купцов Шестовых и находился в приходе храма Святителя Николая в Толмачах.

Работы по обновлению храма завершились летом 1857 года, а освящен он был Митрополитом Филаретом 5 октября 1858 года. В обновленном храме отец Василий в полной мере удовлетворил свое желание служить красиво и торжественно. Сам богатый интерьер храма располагал к этому, а в ризнице имелись и дорогие облачения, и утварь ручной работы – щедрые дары храму прихожан. О.Василий прекрасно знал церковный устав и служил так, чтобы каждое слово молитв и песнопений доходило до всех молящихся. Вот не любил он только старообрядцев, два-три дома которых еще сохранялись в приходе в середине века. Хотя и в этом вопросе была подвижка: в 1858 году вдова Михайлова из старообрядцев со всей семьей из пяти человек была присоединена к приходу из раскола. (Позже, уже в 1894 году, будучи епископом Виссарионом, отец Василий за заслуги по истолкованию Священного писания, раскрытию истин православия, изъяснению богослужения и молитв и **обличению раскольников** получит в Духовной академии степень доктора богословия.)

В 1860 году священник Алексей Ключарев вместе со священниками Василием Нечаевым и Василием Лебедевым стал издавать журнал «Душеполезное чтение». А с 1866 года отец Василий Нечаев возглавлял издание журнала уже один. В 1874 году отец Василий был возведен в сан протоиерея...

Протоиерей Василий Нечаев, дьякон Федор Соловьев, о котором мы сейчас поведем рассказ, и Павел Михайлович Третьяков были близки в течение четверти века. Отношения таких выдающихся людей для нас сегодня символичны, – в контексте взаимоотношений церкви и музея. Поэтому каждому в последующем повествовании отведено особое место...

В январе 1867 года митрополит Филарет незадолго до своей кончины перевел прежнего дьякона из храма Николы в Толмачах в другой приход, а на освободившееся место определил только что окончившего Московскую Духовную семинарию Федора Алексеевича Соловьева (илл.15). Он происходил из семьи протоиерея Алексея Петровича Соловьева, настоятеля храма во имя преподобного Симеона Столпника (илл.16), что за Яузой. А еще о.Алексей был и благочинным. (Этот храм с гигантским куполом существует и сегодня, но хотя раны периода гонений на церковь еще не залечил, – богослужения в нем совершаются.) Незадолго перед новым назначением отец Федор женился на дочери дьякона соседней церкви, который обучал его начальной грамоте. Так что свою будущую жену он знал с детства. Во время учебы Феди в Андрониевском Духовном училище, с ним случилось несчастье. Язык колокола, когда он звонил на колокольне, ударил его по голове. В результате он ослеп на левый глаз. Но впереди его ждало другое тяжелое испытание. В 1872 году жена отца Федора, Анна, скончалась от скоротечной чахотки. На руках у него остался двухлетний сын Михаил...

Новый дьякон и прихожанам, и настоятелю пришлось по душе: своей скромностью, отзывчивостью, добротой, благоговейным служением и великолепным бархатным баритоном. «Диакон наш, Федор Алексеевич, внешне был идеальным типом апостола; на службах, обладая симпатичным круглым баритоном, как нельзя более гармонично вторил батюшке» – писала о нем в воспоминаниях дочь П.М.Третьякова Вера Павловна Зилоти (илл.17). Отец Василий Нечаев окружил молодого дьякона своим вниманием и помог ему приобрести опыт в церковных делах. С этой помощью отец Федор, сначала неловкий и неповоротливый, добился образцового церковного служения. Особенно отец Василий заботился о дьяконе после кончины его жены. Настоятель вовлек отца Федора в литературную деятельность в журнале «Душеполезное чтение». Это сыграло большую роль в написании в 1871 году Федором Соловьевым книги о Николаевской церкви в Толмачах. Книги, существенно помогла и нам в восстановлении храма. Не случайно ее репринтное переиздание в 1994 году было одним из первых дел вновь созданной общины (илл.18). А к его последней печатной работе, по мнению автора очень проникновенной и важной для истории нашего музея и храма, мы еще обратимся в следующей главе.

В 1889 году после 34-летнего служения ушел из храма Святителя Николая в Толмачах отец Василий Нечаев. Ушел в монашество, приняв имя Виссарион, став сначала архимандритом, а затем епископом (илл.19) Хотя приход и просил отца Федора стать настоятелем храма, – он отказался, по своей скромности не считая себя вправе быть преемником отца Василия.

Настоятелем стал бывший профессор Московской Духовной Академии, протоиерей Димитрий Федорович Косицын. Он, как и его предшественник, был известным богословом. Отец Димитрий сменил отца Василия и на должности редактора и издателя «Душеполезного чтения». В отношениях с людьми он был чрезвычайно деликатен, поэтому – немногословен и казался скрытным и необщительным. Его постоянный молитвенный настрой и благоговейное отношение к богослужению привлекало в церковь богомольцев из других приходов.

В 1891 году на месте старого деревянного дома для причта построили кирпичный, более просторный. В новом доме было две квартиры: для священника – из девяти комнат и для дьякона – из шести. Отец Федор взял туда заболевшую тещу с ее младшей дочерью, помогавшую ему растить сына Михаила, который уже оканчивал техническое училище.

7 апреля 1892 года был отпразднован 25-летний юбилей служения отца Федора в Николо-Толмачевском храме в сане дьякона. Ему преподнесли икону Святителя Николая в серебряной позолоченной ризе и адрес от сослуживцев и прихожан (который подготовил протоиерей Д.Ф.Косицын; адрес находится в экспозиции храма). Приведем отрывок из этого большого поздравления. «Торжественное и благоговейнейшее священнослужение Ваше и умирительное чтение молитв и канонов невольно располагают к усердной и горячей молитве. Постоянный страх Божий, опасение, как бы и в малом не согрешить пред Богом, отрезвляет и мало заботящихся о своем спасении. Всегда первым являетесь Вы в храм Божий и последним оставляете его, принимая на себя с любовью все труды для храма Божия и благолепия священнослужения...». А епископ Виссарион в поздравительном письме отцу Федору нашел

для него такие слова: «О, если бы и мне быть таким добрым, как Федор Алексеевич!»

В мае 1895 года Федор Алексеевич Соловьев был переведен служить в Успенский собор Московского Кремля и рукоположен в сан пресвитера. Это было вызвано желанием Московского митрополита Сергия восстановить древнее пение, когда поют на клиросе не псаломщики, а пресвитеры и дьяконы в унисон. Приглашение было признанием высоких качеств отца Федора. Сначала он отказался, но затем принял приглашение: в соборе больше оставалось времени для молитв и размышлений. В Толмачевском храме он прослужил 28 лет....

В октябре 1898 года, за два месяца до кончины Павла Михайловича Третьякова священник Феодор Соловьев ушел из Успенского собора по благословению своего духовника. А 30 ноября он был пострижен игуменом Зосимовой пустыни отцом Германом во иеромонаха с именем Алексей, в честь святителя Алексия, Митрополита Московского... Тяжелое бремя старчества он принял в 1906 году, когда после кончины старца Варнавы к нему перешли его многие духовные дети (илл.20). Под его духовным руководством находились и епископы, и митрополиты, и простые люди, и крупные государственные деятели, даже Великая княгиня Елизавета Федоровна.

После кончины 3 декабря 1902 года протоиерея Дмитрия Косицина настоятелем стал протоиерей Михаил Павлович Фивейский. Он был ученым, много времени отдавал науке, что сказалось на продолжительности служб: он их сократил до минимума. Через некоторое время прекратилось издание «Душеполезного чтения». С потерей храмом традиций сокращалось число богомольцев. А в 1918 году большинство состоятельных прихожан вообще уехало. Отец Михаил Фивейский скончался весной 1919 года. Наступало время новой власти...

Но жизнь продолжалась. Новым настоятелем храма стал в 1919 году протоиерей Илья Николаевич Четверухин (илл.21). Он был духовным сыном старца Алексия с 1906 года и давно мечтал служить в храме, где 28 лет прослужил дьякон Федор Соловьев. По благословению старца Илья Николаевич стал священником и двадцать лет ощущал руководство старца. В тот период отец Илья собрал богатейший материал о старце Алексии, опубликованный в виде книги уже в 1995 году сыном Ильи Николаевича Сергеем Ильичем и его внучкой Ольгой Сергеевной. Значительная часть сведений о старце Алексии и отце Василии Нечаеве, приведенная в данном тексте, позаимствована из этой книги.

По благословению старца Алексия о.Илья подал прошение приходскому совету о занятии освободившегося места настоятеля. Благодаря тому, что в приходском совете знали о.Илью по религиозно-философскому кружку священника Павла Флоренского, – он был избран настоятелем храма Святителя Николая в Толмачах.

К моменту назначения настоятелем отца Илья храм находился в бедственном положении. Уехали богатые прихожане, благотворители храма: мануфактурщики Лосевы, рыбники Калгановы, книжники Ферапонтовы, фабриканты-меценаты Третьяковы умерли или уехали. Дьякон и псаломщик уволились, хора не было. Как ни дров, ни свечей, ни церковного вина, ни деревянного масла.

В соответствии с законом отцу Илье пришлось устраиваться на гражданскую работу. Так как он умел рисовать, его по рекомендации знакомых художников устроили научным сотрудником в Третьяковскую галерею.

В первую зиму храм искрился от инея. Богомольцев почти не было, но отец Илья решил служить каждый день. Постепенно народ стал приходить в храм. Молящихся привлекали личные качества настоятеля: доброжелательность, ум, образованность, обаяние. Со временем из прихожан храма сложилось общество, которое стали называть «толмачевцами». Сергей Ильич Четверухин так вспоминал о них: «Приход Толмачевского храма не был однородным. Были люди ученые и неученые, разного происхождения и воспитания, но все они объединялись глубокой верой в Бога, благочестием, любовью к храму, к своему духовному отцу и друг к другу». На Архиерейском соборе 2000 года один из толмачевцев, Николай Александрович Рейн был канонизирован как новомученик. Он был ученым-ботаником, работавшим в Тимирязевской академии, младшим братом известного хирурга, профессора университета Ф.А.Рейна, чье имя носила поликлиника рядом с Марфо-Мариинской обителью. Н.А.Рейн был расстрелян 21 октября 1937 года «за участие в контрреволюционной церковно-монархической группировке и антисоветскую пропаганду».

Но антирелигиозная пропаганда «нового мира» уже начинала иметь место. Так, на церковные праздники из здания бывшей церковно-приходской школы (напротив храма), ставшей «клубом имени К.Маркса», навстречу крестному ходу «выкатывалось» шествие с богохульными транспарантами, руганью, а нередко и брошенными в священника камнями.

Из храма, в рамках всеобщей кампании 1922 года, изъяли более девяти пудов золотых и серебряных изделий. С икон были сняты все ризы и забрана церковная утварь.

В 1923 году был арестован Патриарх Тихон. Летом этого же года забрали и отца Илью. Он вернулся через три месяца, «отсидев их в Бутырках в одной камере со шпана и митрополитами».

Святейший Патриарх Тихон в Духов день 1924 года выразил желание служить в храме Николая Чудотворца в Толмачах. Ему сослужил митрополит Крутицкий Петр, а для благолепия был приглашен протодиякон Михаил Холмогоров. Пел матушкин хор. Патриарху все понравилось: и храм, и служба, и пение. (В храме в годы гонений молились, жившие в семье Четверухиных, ссыльные митрополиты Петр, Агафангел и другие.)

Храм закрыли сразу после главного храмового праздника – Дня Святого Духа – 24 июня 1929 года. Вот как об этом вспоминал в своей публикации «Радостная и грустная моя юность» сын отца Ильи Серафим Четверухин:

«На Пасхе пришли какие-то люди из Третьяковской галереи и сказали, что общее собрание сотрудников галереи постановило потребовать закрытия Николо-Толмачевской церкви и передать это здание галерее для расширения экспозиции. Пришедшие, вполне интеллигентного вида люди, благожелательно советовали сразу же согласиться с решением собрания и не протестовать, не заниматься бесполезными хлопотами. Они давали понять, что храм ожидает неплохая участь, ведь он попадет в культурные руки.

Среди сотрудников галереи, живших по соседству, было немало давних прихожан нашего храма, которые, плача, признавались папе, что, по немощи человеческой, по боязни, они тоже голосовали «за».

...Отец и приходской совет решили сделать все от них зависящее, чтобы отстоять храм... Приглашенный фотограф запечатлел на память вид главного иконо-

стаса (илл.22), приделов, росписи, сфотографировал и папу произносящего поучение, и матушку Любовь рядом. Господь решил по-своему, и хлопоты не увенчались успехом, везде было отказано. <...>

Однажды, когда папа вернулся из храма от Литургии, в дверь постучали. Вошедший сказал, что он просит папу открыть храм и достать опись имущества, так как пришла комиссия принимать храм. Папа перекрестился, послал меня к матушке Любви за ключами, взял большие конторские книги, где были записаны иконы, облачения, утварь, книги и лампы, принадлежащие храму, и пошел на паперть. На ступенях, ведущих к храму, стояли незнакомые люди, вошедшие вместе с нами в отпертые матушкой Любовью двери. Не все из них сняли кепки <...>

Группа вошедших стояла у входа, озираясь в непривычной обстановке. Люди как будто колебались, не зная с чего начать <...>

Но люди у входа стряхнули с себя минутное оцепенение, зашевелились, заговорили, что-то сказал папа, отдал им книги, а сам отпер дверцы шкафов и ящиков, открыл вход в ризницу и врата алтаря, и началось движение.

Вошедшие разбрелись по всему помещению, глядя на иконы, паникадила, подсвечники, что-то считая и отмечая в книгах... Царские врата, раскрытые настежь, превратились в обыкновенные двери, и за ними виднелся опустевший Престол, и к нему прикасались, что-то ставили на него и, облокотившись, писали чужие неблагоговейные люди».

Одна из прихожанок Толмачевского храма, поэтесса Раиса Адамовна Кудашева (автор известной рождественской песенки «В лесу родилась елочка...») писала о закрытии храма в своем стихотворении:

Закрыт наш храм... Он пуст, печальный,
Завес алтарных сорван шелк,
Нет огоньков лампад хрустальных
И звучный колокол умолк.

В 1930 году церковное здание фактически перешло во владение музея. Серафим Ильич Четверухин сказал об этом очень горькие слова:

«Галерею основал усердный прихожанин нашего храма, который, может быть, даже с избыточным усердием требовал от своих служащих, чтобы они неукоснительно посещали богослужение. <...>

Но после чудовищного акта, который был совершен от имени Галереи, на нее упала тень. Погасла любовь. Исчезло уважение, все перебило ощущение фальши.

А новый владелец, точнее – люди, стоявшие во главе этой гордости Москвы, обязанные по долгу службы ценить и хранить красоту, быстро-быстренько, как бы боясь, что отнимут, расправились с приобретением. Опустошили внутренность, сняли не только кресты, но и купола, и даже барабаны, разбили на куски певучие колокола, а они надрывно рыдали при этом. А потом разобрали до основания дивную, стройную, как перст, колокольню (илл.23). И вместо всяческой красоты остался на этом месте безобразный, лишенный жизни обрубок. Толмачи закрыли. Их не стало на земле. Исчез один из московских очагов духовности».

(Удивительно, что на сносе колокольни настаивала неуклонно именно галерея, а Главнаука выступала против этого, что зафиксировано в сохранившихся протоко-

лах. Возможно потому, что тогдашний директор галереи Кристи был из эсеров и побаивался возражать властям.)

Настоятель храма Илья Николаевич Четверухин был арестован 26 октября 1930 года и через два месяца отправлен в исправительно-трудовой лагерь на реке Вишере, на Северном Урале, отбывать назначенные ему три года. Он там и погиб при пожаре в лагерьном клубе 18 декабря 1932 года.

Здание храма стало запасником Третьяковской галереи в 1932 году. С этой целью в четверике было сделано два перекрытия, а трапезная пристройкой была соединена с залами галереи (илл.24) В северной стене трапезной, на месте киота, ближайшего к иконостасу был прорублен проход в экспозицию. В зале второго этажа этой пристройки, на надстроенной церковной стене (илл.25) вскоре было помещено полотно Александра Иванова «Явление Христа народу». Что ж, в этом можно увидеть определенную символику...

Но все-таки это была не худшая судьба для храма. В главе «Воссоздание» будет описан другой предполагавшийся более радикальный вариант «встраивания» храма в комплекс зданий музея. А сколько храмов было приспособлено под гаражи, клубы, склады, предприятия и просто снесено. Здание храма даже в роли запасника галереи выполняло благородную миссию (илл.26). Его мощные стены, обеспечивавшие стабильный климат внутри, хранили долгие годы коллекцию живописи, скульптуры и икон. За сохранение икон, особенно в годы лихолетья, Его Святейшество Патриарх Алексий II выразил галерее свою благодарность.

Таким был первый период истории действующего храма Святителя Николая в Толмачах. Вновь предстояло ему принять молящихся только через 63 года...

Глава II. Третьяковы

«Если человечество до сих пор сделало
что-нибудь высокое в области искусства,
то только на почве религиозных представлений».
В.М.Васнецов

Когда Третьяковы переселились в Лаврушинский переулок, их адрес стал звучать примерно так: «дом Третьяковых, что в приходе у Николы в Толмачах». В то время адресат определялся не по названию улицы и номеру дома, а по названию храма, в приходе которого находился дом, и по фамилии владельца дома. Но в наше время произошла инверсия: теперь местонахождение нашего храма указывается по музею, то есть «храм при Государственной Третьяковской галерее». Эта инверсия символична, так как отражает **взаимосвязь** храма и музея: сначала храм способствовал формированию духовного мира основателя, теперь музей его имени возродил храм. Тогда, духовно-праздничная атмосфера православия с его красочными фресками, иконами, обрядностью дала Павлу Третьякову почувствовать живописность окружающего мира, что позже стимулировало тяготение его, как и других меценатов, выходцев из купеческой среды, к изобразительному началу в искусстве. Сегодня, музей его имени вернул долг, полностью воссоздав в храме эту атмосферу православия. Поэтому мы сочли просто необходимым выделить этот период истории храма, связанный с Третьяковыми, в отдельную главу.

Как уже было замечено, Замоскворечье лучше всего сохранило дух старой Москвы. И даже сегодня, когда треть церквей разрушена, именно храмы способствуют сохранению здесь облика русского города. А тогда все главные события жизни купечества, населявшего Замоскворечье, были связаны с храмом.

Семья Третьяковых не была исключением, а являла скорее пример такой жизни. Но сначала их храмом стала церковь Николая Чудотворца в Голутвинской слободе (илл.27), в урочище Бабий городок. Возможно, она была когда-то основной церковью Голутвинского монастыря, упоминаемого еще в конце XV века в завещании царя Ивана III. В небольшом доме с мезонином, стоявшем бок о бок с колокольней храма, в 1795 году поселился малоярославский купец третьей гильдии Захар Елисеевич Третьяков, из рода, известного в Малоярославце еще с 1646 года. Почти столетие спустя его внук увековечит их купеческую фамилию, став основателем картинной галереи. В 1800 году у Захара Елисеевича родился сын Михаил, которого крестили в этом храме. Там же в 1816 году отпевали Захара Елисеевича. А похоронили его на Даниловском кладбище, ставшем затем местом упокоения всех Третьяковых. (В 1948 году прах Павла Михайловича и его жены был перенесен отсюда на Новодевичье кладбище.) Михаил Захарович унаследовал торговое дело отца, расширил его и, накопив денег, в 1831 году женился на купеческой дочке, Александре Даниловне Борисовой. Она была из богатой семьи, владела граммотой, немного играла на фортепьяно. Молодые жили скромно, соблюдали посты, а в праздники принимали гостей.

В день преп. Павла Латрийского, 15 декабря 1832 года, у них родился первенец. Крестили его в храме Николы в Голутвине и нарекли, естественно, Павлом.

Одиннадцать детей появилось в этой семье, из которых шестеро умерло в раннем возрасте. В домике с мезонином становилось тесно, и Третьяковы переселились в дом Рябушинского, совсем неподалеку. Живя в этой квартире, Михаил Захарович несколько лет состоял старостой при Николо-Голутвинской церкви. Он был в дружеских отношениях с приходским священником, и нередко о.Александр заходил к Третьяковым на чай. В праздники вся семья обязательно посещала храм. Именно здесь зародилась у Павла Михайловича любовь к храму Божию, а посещение ранней Литургии в праздники стало обязательным на всю жизнь.

Михаил Захарович специального образования не имел, но грамоту и счет знал. В 1835 году была напечатана книга «Цветы нравственности, собранные из лучших писателей к назиданию юношества Михаилом Третьяковым». В разделе книги под названием «Благочестие» было сказано: «Что такое все наши познания, опытность и самые правила нравственности без веры, без сего путеводителя, и зоркого, и строгого, и снисходительного? Собственно без религии живет лишь сумасшедший или во всем сомневающийся; тот и другой болен духом». Были там и такие слова: «Истинное величие народов основано не на богатстве, а на возвышенности духа, способного к великим предприятиям...». Не исключено, что дети Михаила Захаровича использовали книгу при обучении прописи, и вдумчивого, хотя еще и маленького Павла, приведенные мысли просто так не миновали, – они вошли в его душу, чему свидетельством стала вся его жизнь.

Атмосфера богослужения в храме, отвечала характеру Павла и способствовала углублению ряда черт. Немногословность, кротость, работоспособность, любовь к чтению соответствовали в его представлении чертам почитаемых им Святых. Н.А.Мудрогель, проработавший в галерее помощником Павла Михайловича много лет, вспоминал: «Уже в детстве [Павел Михайлович] не любил ничего шумного, крикливого, был замкнут, трудолюбив, аккуратен».

А еще Павел любил свое Замоскворечье с небольшими купеческими особняками, окружавшими их садами, базаром на Болотной, где чем только не торговали (илл.28). Даже в конце XIX века Замоскворечье было скорее похоже на провинцию, где улицу могли перебежать куры, а во дворах мычали коровы. Он хорошо знал эту часть Москвы с чудесными храмами, знал в каком храме хор лучше, а где колокольный звон торжественней. Иногда Михаил Захарович возил сыновей Павла и Сергея в отдаленные храмы Замоскворечья, в Данилов или Донской монастырь. Третьяковы были патриотами Замоскворечья и, меняя место жительства, не выезжали за его пределы. Так некоторое время они жили в доме Шамшурина на Большой Якиманке, в приходе храма Иоанна Воина.

После смерти Михаила Захаровича, в 1851 году, Третьяковы купили дом с усадьбой в Лаврушинском переулке, принадлежавший во второй половине XVIII века семье потомственных военных Кологривовых, а с 30-х годов XIX века – купцам Шестовым (илл.29). Теперь храм Николы в Толмачах стал их приходским храмом, расположенным, как и в Голутвине, рядом с домом. Из южных окон второго этажа открывался прекрасный вид на храм (илл.30). В нем в 1852 году состоялось венчание сестры Павла Михайловича, Елизаветы, с Владимиром Дмитриевичем Коншиным, их компаньоном по делу. Венчал молодых настоятель храма протоиерей Николай Розанов.

Третьяковы переехали в двухэтажный особняк, когда храм еще переживал период обновления: были построены трапезная с двумя приделами и стройная высокая колокольня, ставшая доминантой Толмачей. Новые прихожане сразу вникли в заботы храма, а через пять лет помогли в реконструкции четверика и были одними из главных жертвователей. К этому моменту скончался настоятель храма о. Николай Розанов, и на его место был назначен митрополитом Филаретом священник Василий Петрович Нечаев. Именно его и старосты храма Алексея Семеновича Медынцева стараниями было завершено полное обновление храма, и в 1858 году он был освящен митрополитом Филаретом.

В 1860 году горе пришло в семью Третьяковых: скончалась в возрасте 22 лет после тяжелых родов жена Сергея Михайловича. В храме Святителя Николая на погребении жены Почетного гражданина Елизаветы Сергеевны Третьяковой был епископ Дмитровский Леонид. А как радостно начиналась жизнь молодой пары в дружном семействе, в новом доме, заново отделанном перед свадьбой. Светский общительный Сергей Михайлович стал давать балы. Но радуясь за молодых, Павел Михайлович, в силу своего характера, тем не менее балов избегал...

В ту пору в приходе храма насчитывалось 24 дома. Владельцами, в основном, были купцы, в их числе Медынцевы, Ферапонтовы, Калгановы... Это было уже новое поколение купечества, людей, у которых появилась, по оценке В.В.Стасова, «великая потребность в жизни интеллектуальной, было влечение ко всему научному и художественному... И всегда, во всем, стоит у них на первом месте общественное благо, забота о пользе всему народу». В храме, познакомились братья Третьяковы с сыновьями А.С.Медынцева. С одним из них, Алексеем, особенно подружился Павел Михайлович. Часто они ходили друг к другу в гости, благо жили напротив, через Малый Толмачевский переулок. В молодежной, шумной компании молчаливого и застенчивого Павла Михайловича, с его благообразной, и даже «иконописной» внешностью, прозвали Архимандритом (илл.31). Оба друга любили посещать Сухаревский рынок, где искали редкие книги. По примеру Алексея Медынцева-младшего, уже тогда приобретающего картины, Павел Михайлович стал покупать понравившиеся гравюры и акварели. Но особенно любил он театр, как и многие из молодых замоскворецких купцов.

Однако этого увлечения не одобрял о. Василий, нередко с осуждением говоривший в проповедях о тех, кто «кистоцает духовные и телесные силы на театральных зрелищах, балетах...» Был и еще один грех, о котором известно из воспоминаний дочери Третьякова, Веры Павловны Зилоти. Так, в Великий пост Павел Михайлович ограничивал себя, но весьма своеобразно: выбором на каждый день одного и то же блюда, например, рябчика с соленым огурцом. Это были грехи молодости. Но догматам христианской веры Павел Михайлович никогда не изменял. (Отношение Павла Михайловича к церковным традициям резко переменилось и стало более строгим после смерти в 1887 году от скарлатины восьмилетнего сына Вани.)

Авторитет Павла Михайловича Третьякова в приходе был высок. Старостой храма он никогда не был, но к его мнению в приходском собрании неизменно прислушивались. Его точку зрения всегда высоко ценили, хотя он никогда ее не навязывал. И если он на чем-то стоял твердо, то происходило это из сути вопроса, но не из самолюбия. Со временем между настоятелем и семьей Третьяковых (илл.32) установились близкие отношения. «Мы знали попадью Варвару Никифоровну, высо-

кую и стройную, и всех дочерей, очень образованных и красивых, и сына, студента-медика. Ходили поздравлять Василия Петровича в день его именин...», – вспоминала В.П.Зилоти. Детей Третьяковых, он, по просьбе Павла Михайловича, обучал церковным предметам.

Отец Василий Нечаев был добрым пастырем. Он почти ежедневно посещал своих прихожан, беседовал с ними и на улице, выслушивал их и находил для каждого свои добрые и нужные слова. В обновленном храме о.Василий служил красиво и торжественно, чему способствовал и приглашаемый по праздникам хор из Чудова монастыря. Ну, а обычно, в храме пели дьячок, пономарь и трапезник: напевы Кастальского и даже по крюкам. Очень любила их слушать и часто подпевала им Вера Николаевна, жена Павла Михайловича.

В.П.Зилоти, которую первой из детей Третьяковых крестили в Толмачевском храме в 1866 году, так вспоминает об этом: «Наш батюшка, Василий Петрович Нечаев, обладал необычайно верной интонацией в возгласах; они были обдуманны, торжественны, убедительны и трогательны. Были у него маленькие сонные глаза и заплавленное лицо, старавшееся казаться строгим; мы его не боялись и любили. Он был большим ученым-богословом, а впоследствии, овдовев, принял сан архиерея... Когда мы стали взрослыми девицами, Василий Петрович приходил нас учить катехизису, истории церкви и не прочь был побеседовать о старообрядцах, которых не любил. Он всегда кончал урок словами: «Ну, деточки, вот оно вещи какие!».

Нельзя не привести еще один пространный отрывок из воспоминаний В.П.Зилоти о церковной службе, – практически уникальных зарисовок, сделанных членом семьи Третьяковых в период их жизни в приходе. Поясним только, что в ограде, разделявшей территории храма и усадьбы, была калитка, через которую, не выходя в переулок, через сад можно было попасть сразу в храм.

«Папа ходил изредка ко всенощной, а к ранней обедне – каждое воскресенье и во все большие праздники; становился совсем впереди, недалеко от амвона, носом в угол около мраморной квадратной колонны, скромно, тихо крестился, подходил тихонько к кресту и шел домой пить кофе с мамочкой и тетей Манечкой, которая приносила всегда несколько просвирок, «вынутых» и «невнутых»; мы были любителями последних, которые тетя Манечка позволяла есть с меньшей осторожностью.

Мамочка ходила в церковь редко, ходила не столько молиться, сколько из-за пения и из-за настроения; становилась в конце церкви на возвышении рядом с нами и с тетей Манечкой. Слушая любимые старинные напевы, сама от души невольно подпевала, часто слезы умиления блстели на ее серых лучистых миндалевидных глазах с длинными ресницами и выражение лица ее бывало такое особенное. Любила преждеосвященные обедни и вспоминала, как ее брат, Валериан, на Разгуляе певал «Да исправится» в алтаре в трио мальчиков [вероятно в Богоявленском соборе – прим. авт.]

Мы по воскресеньям ходили в церковь по обязанности; нас поднимали в шесть часов к ранней обедне. Когда мы подросли и обленились, наша старая горничная Катя нас будила-будила. Я-то вскакивала легче, а сестра Саша любила поспать. Катя топталась-топталась по комнате, подварчивая: «С вечера не уложишь, утром не добудишься». Шли мы сонные, чуть-чуть светало, в церквах Замоскворечья где ударили, где благовестили, галки и вороны сонно каркали, зяблось...

«Для себя» любили мы ходить во время Великого поста в Великую пятницу на вынос Плащаницы, а в Великую субботу ходили «Христа хоронить»: четыре часа утра, весна, тепло, у церкви вербы распускаются, солнце встает, поют «Воскресни Боже». Потом дома красили яйца. Весь день ждали вечера. В шесть часов ложились и думали, как нас разбудят одеваться к заутрени. Теплая ночь, в саду по дорожке в церковь горят шкалики с купоросом; вот ударил колокол на Иване Великом, вот подхватили колокола всех сорока сороков нашей Белокаменной.

Батюшка Василий Петрович с тройным золотым подсвечником в руках, в котором горят три красные, перевитые золотом восковые свечи, с букетом гиацинтов от мамочки, привязанным лентой к подсвечнику, и отец дьякон с кадилом – оба в золотых ризах, шли на «Гроб Господень» через паперть; за ними крестный ход двигался вокруг церкви с грустным песнопением; мы внутри в умилении ожидали стук в запертую чугунную церковную дверь; дверь распахивалась, врывалось радостное «Христос воскрес из мертвых» и толпа молящихся с пылающими свечками вносила в церковь столько огня, света, радости, а с платьями – и весеннего воздуха».

О.Василий Нечаев был не только священником, но и духовным писателем, и ученым-исследователем. С 1866 года по 1889 год он являлся единоличным редактором-издателем журнала «Душеполезное чтение», журнала направленного на противодействие зловредным влияниям духа времени. После отмены крепостного права происходило изменение общественного уклада в стране, имели место и важные внешнеполитические события. Все это обсуждалось на собраниях, проводившихся рядом с храмом, в особняке Демидовых, известном своей уникальной чугунной решеткой. Тогда дом принадлежал графине Соллогуб и ее брату Ю.Ф.Самарину. Юрий Федорович был одним из руководителей влиятельного общества славянофилов, отстаивавшего сохранение старых русских традиций, но и приветствовавшего отмену крепостного права. Лидер славянофильства того периода Иван Сергеевич Аксаков, выступая на собраниях в доме у Самарина, призывал опираться на купечество с его приверженностью к патриархальным русским устоям, самобытному уставу жизни. Он также считал влияние купечества на народ сильнее «господского» или «дворянского». Самих же купцов привлекала поддержка славянофилами национальной торговли и промышленности.

Нередко на этих беседах бывал и настоятель Николо-Толмачевской церкви о.Василий Нечаев, который видел сохранение самобытности русской нации именно в церкви и в то же время сокрушался о падении авторитета церкви. С ним приходил, совсем еще молодой дьякон храма, Федор Алексеевич Соловьев, преподававший Закон Божий в этом доме и помогавший отцу Василию при служении домашних вседневных. И это было естественно, поскольку для славянофилов именно православие было границей между своим и чужим, а история русского народа считалась единственной в мире историей народа христианского.

Сам Павел Михайлович не любил большого общества, но Юрий Федорович Самарин очень часто приходил к нему. Причем будучи «неисправимым» по его словам славянофилом, Самарин высоко ценил западную цивилизацию и был Третьякову, внимательно приглядывавшемуся ко всему лучшему в Европе, ближе других. В гостях у Третьякова побывали многие славянофилы: Черкасские, Барановы, Щербатовы, Аксаковы... Обсуждались в числе прочих и проблемы развития русского искусства, поскольку во взглядах западников и славянофилов имелись определенные

отличия. В этом вопросе конкретные шаги сделал А.С.Хомяков: он вошел в Совет Училища живописи и ваяния и стал там активно проводить свои идеи. В том числе, в результате его забот Училище дало целую плеяду известных русских художников, творчеством которых возрождалось национальное в искусстве: Саврасов, Перов, Шишкин, Нестеров, Левитан... Эти беседы Третьякова со славянофилами и с настоятелем храма несомненно сыграли большую роль в формировании его воззрений на поддержку русского искусства и создание национальной галереи.

Позицию славянофилов о необходимости русско-турецкой войны для освобождения братьев по вере, сербов и болгар, из-под османского ига братья Третьяковы полностью поддержали. Являясь одним из самых активных членов Славянского комитета, как и его брат, Павел Михайлович постоянно вносил все новые суммы на нужды армии. Городская дума, главой которой был избран в 1877 году Сергей Михайлович, пожертвовала на военные нужды миллион рублей, открыла несколько госпиталей в разных частях города, которые послужили образцом для подобных учреждений Красного Креста. Павел Михайлович являлся членом Комиссии помощи вдовам солдат, не вернувшихся с войны. Покупка в 1882 году коллекции картин В.В.Верещагина о войне, стала закономерным итогом всем его мыслям и переживаниям того времени.

Так что приход храма в Толмачах стал для Третьяковых не только собранием духовных, но и идейных единомышленников. Бывали в храме и многие гости, навещавшие Третьяковых: художники, писатели, музыканты. Среди них можно выделить особенно близких по духу к Павлу Михайловичу людей: И.Н.Крамского, В.М.Васнецова и П.И.Чайковского, находившегося в родстве с Третьяковыми. А в Толмачевском приходе поселились еще до Третьяковых друзья Павла Михайловича и Сергея Михайловича с детства, впоследствии известные музыканты, братья Антон Григорьевич и Николай Григорьевич Рубинштейны, также бывшие прихожанами храма.

Поскольку здесь мы затрагиваем целый спектр отношений Третьяковых с церковью: духовных, культурных, бытовых, общечеловеческих, идейных и, в первую очередь, отношений Павла Михайловича, как глубоко верующего человека, – нельзя обойти вопрос приобретения Третьяковым в свою коллекцию произведений на религиозные темы. Причем произведений, вызывавших бурю полярных оценок в разных кругах.

Самым ярким и известным примером стала картина В.Г.Перова «Сельский крестный ход на Пасхе», первая, приобретенная у него Третьяковым в 1862 году (илл.33). Вот как об этом писал Третьякову художник В.Г.Худяков: «А другие слышатся, что будто Вам от Св.Синода скоро сделают запрос: на каком основании Вы покупаете такие безнравственные картины и выставляете публично? Картина («Попы») была выставлена на Невском, на постоянной выставке, откуда хотя ее и скоро убрали, но все-таки она подняла большой протест! И Перову вместо Италии как бы не попасть в Соловецкий». Действительно: пьяные прихожане, один из которых несет перевернутую икону, священная книга в грязи и нетрезвый батюшка... Но это было не богохульство художника, а выраженная средствами искусства боль за отход людей от веры, за надлом в душах части клира и та же озабоченность, которую выражал и о.Василий Нечаев. Именно за это ценил Перова Третьяков: за высокую нравственность, за сострадание, за сочувствие и за драматизм его произведе-

ний. Ученик Перова, автор картины, о которой далее пойдет речь, сказал: «Мне в Перове нравилась не только показная сторона, его желчное остроумие, сколько его думы. Он был истинным поэтом скорби».

До конца своих дней Третьяков будет разыскивать работы Перова. В 1882 году, после кончины Перова, он приобретет неоконченное полотно «Никита Пустосвят. Спор о вере». Это было одно из сильнейших произведений во всей исторической живописи русского искусства. Оно должно было бы произвести сильное впечатление на о.Василия Нечаева, поскольку он серьезно занимался историей раскола русской церкви и был обличителем старообрядцев.

Учеником Перова был М.В.Нестеров. Его полотно, «Видение отроку Варфоломею» (илл.34), появившееся в галерее в 1890 году, осуждали те, кто хвалил работу Перова. Говорили, что это отход от реализма передвижников, которых поддержал Третьяков, возврат к мистике. Так что же, непоследовательность собирателя? Нет, это начало нового этапа в развитии русского искусства, которое почувствовал Павел Михайлович, это целая серия лирических произведений и новых имен. Но творчество Нестерова, выросшее на почве православной духовной традиции, затронуло Третьякова и как верующего человека. С его произведениями в галерею вошел целый мир Святой Руси. В поэтичных полотнах Третьяков увидел обращение художника к религиозным нравственным идеалам, возрождение которых на почве православия могло спасти Россию.

Обращались художники и к самой высокой религиозной теме: образу Иисуса Христа. Одним из любимейших произведений Павла Михайловича с 1872 года и до конца его дней было полотно И.Н.Крамского «Христос в пустыне» (илл.35), которое он приобрел еще в мастерской художника. Написал его создатель реалистической школы передвижников в тот момент, когда Товарищество художников стало распадаться, когда состояние души Ивана Николаевича отвечало сюжету картины. «Я ясно вижу – писал автор – что есть один момент в жизни каждого человека, мало-мальски созданного по образу и подобию Божию, когда на него находит раздумье, пойти ли направо или налево?..». В целом картина имела успех. Во многом потому, что для интеллигенции этот образ ассоциировался с «героем того времени», отказавшимся от личных благ во имя счастья народа. Наверное и поэтому Третьяков, разделявший демократические взгляды, любил картину: она объединяла его духовный и гражданский идеал в прекрасном художественном воплощении.

Другого Христа изображал Н.Н.Ге на своих полотнах, во многом потому, что в отличие от трех предыдущих художников его трудно было назвать верующим в духе православия. Это была не только иная манера письма, но иная композиция евангельских событий. В Италии он написал картину «Тайная вечеря», приобретенную Александром П. Главным и самым авторитетным ее критиком стал Ф.М.Достоевский, считавший, что на картине представлена «обыкновенная ссора весьма обыкновенных людей». Однако, несмотря на подобные оценки, известно, что Третьяков желал бы иметь эту вещь в своей коллекции.

Картину Ге «Что есть истина?», снятую с выставки по решению Александра III, Третьяков приобрел в 1890 году вопреки своему желанию, под сильным давлением Льва Толстого, религиозных взглядов которого не разделял, но почитал талант великого писателя. В ответе на письмо Толстого он аргументировал свое согласие на покупку невозможностью в будущем исправить ошибку, если время покажет

правоту Толстого. Многим не нравился облик Христа на картине, приниженный до уровня земной повседневности, но Толстой говорил: «Это верно исторически и верно современно». Но как же объяснить позицию Третьякова в отношении творчества этого художника, а также и «западника» В.Д.Поленова, тоже изображавшего Христа простым человеком (илл.36)?..

«Я беру, весьма может быть ошибочно, все только то, что нахожу нужным для **полной** картины нашей живописи...» – излагал свою позицию в коллекционировании в 1880 году Павел Михайлович Толстому. А вторым тезисом Третьякова было стремление к правде: как в жизни, так и в искусстве. «Мне не нужно ни богатой природы, ни великолепной композиции, ни эффектного освещения, никаких чудес...» – писал он еще в 1857 году художнику Горавскому – «... дайте хотя лужу грязную, да чтобы в ней правда была».

И наконец, завершая эту тему, приведя только самые яркие примеры, заметим, что нельзя вписывать в угоду времени, историческую личность в прокустово ложе правящей идеологии. Сегодня мы можем и должны говорить о двух ипостасях Павла Михайловича, да он был глубоко верующим человеком, но он был и демократом-интеллигентом, человеком высокой культуры (илл.37). Благодаря этому мы имеем сегодня цельное собрание и глубоко национальных по духу и высокохудожественных произведений. А в отношениях с церковью степень понимания духовенством многих сложных вопросов зависит от уровня культуры служителей церкви. В этом смысле у о.Василия Нечаева не было неразрешимых проблем с Павлом Михайловичем Третьяковым, хотя о.Василий и говаривал в отношении некоторых произведений: «...нарисовали нам русское язычество в оболочке христианской терминологии...»

Мы забежали во времени далеко вперед в обсуждении религиозной живописи, стараясь дать по вопросу целостное впечатление, но вернемся к хронологии.

В 1872 году Павел Михайлович решился на первую пристройку к своему дому для будущей галереи. Идеологом и архитектором стал зять Третьяковых, муж сестры Софьи, Александр Степанович Каминский. Замечательный человек, он к тому времени построил уже много зданий, в том числе храмовых, таких как трапезная и колокольня церкви Илии Обыденного, колокольню церкви Сергия Радонежского в Рогожской. Весной состоялась торжественная закладка здания галереи. Вот как об этом повествует Вера Павловна:

«Как-то утром нас позвали к окну в столовой. Мы увидели, как в углу вырытой канавки, отступая от дома и ближе к церковной ограде, пришли батюшка Василий Петрович, отец дьякон, дьячки наши и начали служить молебен. Стояли Александр Степанович, наши родители, тетя Манечка, Петр-Игнатичка, кто мог из приказчиков и прислуг и какой-то новый человек с курчавыми светлыми волосами и хитрыми, умными глазами. Он истово крестился. Это был новый десятник Андрей Памфилич.

В угол канавки положили кирпич, покропили его Святою водою и втолкнули длинный деревянный шест с крестом. Так заложили галерею...» (илл.38).

Как уже было отмечено, с возрастом Павел Михайлович стал строже относиться к своему долгу прихожанина. Но это требование он перенес и на других, в частности своих сотрудников. Вот как писал об этом сотрудник галереи, работавший у П.М.Третьякова, Николай Андреевич Мудрогель: «В доме очень строго

соблюдались праздники, и Павел Михайлович постоянно следил, чтобы его служащие ходили в церковь. По окончании обедни служащие становились у дверей и всячески старались попасться на глаза хозяину: «Я, дескать, был сегодня в церкви». Случалось, что хозяин говорил потом кому-нибудь: – А вы сегодня в церкви не были. Это нехорошо. Скажите-ка, почему не были?»

В 1889 году, прослужив в храме 34 года, после смерти жены отец Василий Нечаев ушел в монашество и был хиротонисан в епископы, а в 1892 году дьякон, отец Федор Соловьев, за благоговейное служение был переведен пресвитером в Успенский собор Кремля. Конечно жаль было ему расставаться со своими близкими по духу людьми. Но в том же 1892 году большие заботы Павла Михайловича по передаче галереи в дар городу Москве притупили грусть расставания с о.Федором.

Несомненно, многолетнее духовное общение с клиром своего прихода оставило след в душе Павла Михайловича. Он знал об озбоченности о.Василия Нечаева отходом интеллигенции от церкви. Разделял его мотивировку, объяснявшую эту тенденцию порабощением церкви, ее антиканоническим строем, отсутствием независимости духовной власти, сведшим церковь до обрядового института. (Может быть в молодости Третьяков уже почувствовал этот разлад и поэтому не следовал строго всем обрядам.) Отец Василий также сетовал на обособление культуры от церкви, когда понятие искусства осталось только за живописным направлением, что нашло подтверждение даже в галерее Третьякова. И он даже высказывал пожелание: в русской культуре возвратиться к красоте древности, к древнерусской иконе.

У Павла Михайловича были хорошие иконы, которые он приобрел в 1890 году, но хранил их в своих комнатах. К концу жизни у него собралось более шестидесяти икон новгородской, московской, строгановской школы XV-XVII веков. И.Э.Грбавь, возглавлявший попечительский совет галереи в 1913-18 годах, так оценивал эту сторону собирательства Третьякова: «Он первый среди собирателей подбирал иконы не по сюжетам, а по их художественному значению и первый открыто признал их подлинным и великим искусством». (Однако иконы вошли в постоянную экспозицию галереи только после смерти Третьякова и сейчас в залах исторического здания, а также в храме Святителя Николая в Толмачах являются одной из главных составляющих коллекции.)

Ранним утром 4 декабря 1898 года, по свидетельству священника П.С.Шумова, Павел Михайлович просил настоятеля храма исповедовать и причастить его. Настоятель совершал литургию и собирался к больному после окончания службы. Но за ним прислали вторично. Панихида в храме была прервана. Священник пришел, когда Павел Михайлович был еще в сознании, но говорить ему было трудно...

Отпевание Павла Михайловича Третьякова состоялось 7 декабря в его храме Святителя Николая Чудотворца в Толмачах. Его совершил протоиерей Дмитрий Кошин. Гроб с телом Третьякова художники сменяясь несли на руках до Даниловского кладбища. Возглавляли процессию В.М.Васнецов и В.Д.Поленов. За ними шли многие, произведения которых заняли достойное место в национальной картинной галерее благодаря ее основателю Павлу Михайловичу Третьякову.

Много теплых проникновенных слов было написано потом о Павле Михайловиче, но мы приведем главные, характеризующие его, прежде всего, как глубоко верующего прихожанина храма Святителя Николая. Они были написаны сразу после

кончины Третьякова бывшим дьяконом храма Святого Николая в Толмачах Федором Алексеевичем Соловьевым, знавшим Павла Михайловича 28 лет, ставшим затем иеромонахом Алексием, старцем Зосимовой пустыни. Напечатаны они были в первом номере журнала за 1899 год, редактором которого много лет был о. Василий Нечаев, а с 1889 года – протоиерей Дмитрий Косицын. Позволим себе эти значительные слова привести полностью:

«Мне, пишущему сии строки, пришлось долгое время жить в одном с Павлом Михайловичем Николо-Толмачевском приходе. В моем сознании при воспоминании о нем встает образ человека, служившего примером трезвенной, сосредоточенной, воздержной жизни, жизни, исполненной благой энергии и трудов и, главное, образ человека, сочетавшего обладание богатством внешним, материальным – с нищетой духовною. Много, конечно, можно сказать о заслугах Павла Михайловича, и прежде всего о его знаменитых не только в России, но и во всей Европе художественной галерее и школе глухонемых детей. Эти два учреждения неумолкаемо из рода в род будут напоминать о нем как о друге человечества. Но об этом сказано в печати людьми, более знакомыми с заслугами Павла Михайловича.

В чем же люди, жившие с Павлом Михайловичем под сенью одного приходского храма, могли усматривать в нем духовную нищету, которая есть смиренномудрие и о которой Спаситель наш вещает в первой из своих евангельских заповедей? – Прежде всего, в его смиренной молитве. Постоянно и вполне сознавая свою полнейшую зависимость от Бога, П. М. не позволял себе, пока здоровье не изменило ему, оставить какой-либо праздник без участия в церковной молитве. Он спешил в сии дни в храм со смиренною мольбою хвалы, благодарения и прошения к Всевышнему Промыслителю. И каково же было его предстояние во храме? Он обычно становился (кроме последнего времени) пред местною иконою преподобного Алексия, человека Божия (около арки, ведущей из придельного в главный храм). Ни разговоров, ни озираний вокруг никогда не допускал он себе, вошедши в храм и углубившись в великое дело молитвы. Никаких послаблений и облегчения неподвижного предстояния не позволял он себе, как бы долго ни продлилась служба. Наступало время произнесения проповеди, и тогда только П. М. переменил место своего предстояния, подходил ближе к проповеднику и смиренно внимал его словам. Случаев преждевременного выхода из храма от проповеди, как это нередко бывает в наших православных храмах, с его стороны никогда не было – конечно, потому, что по смиренному мнению о самом себе он считал это и лишением духовной пищи, и поступком противозаконным, неприличным и соблазнительным. Из его уст никогда не было слышно ропота и недовольства по поводу долготы службы церковной и не могло сего быть при его любви к храму и богослужению, при его сыновнем опасении оскорбить любовь Божию и ревность служителей храма.

Разумный, настойчивый труд, бодрая, при помощи Божией, полезная деятельность и громадные материальные пожертвования Павла Михайловича на благо общества сами собою, помимо его воли, возвышали его пред другими. Нередкие посещения его жилища и галереи высокими лицами Российского и иных царствующих домов и в особенности милостивое посещение в Бозе почившим Государем императором Александром Александровичем с Августейшей семьей и милостивое пребывание около часу среди семьи Павла Михайловича в 1893 году еще более выделили его из среды граждан не Москвы только, но и всей России. Но вызывало ли это ко-

гда-либо кичливость и превозношение П. М. пред другими? Проглядывала ли сколько-нибудь в его отношениях к другим и самому себе та высота, на которой он стал без всяких искательств? Никогда нет. Он как бы старался не отличаться от прочих. Избегая, в известной степени, роскоши в одеянии и окружающей обстановке, он был не только ласков, но и прямо почтителен в обращении и с равными, и низшими. Его скромность, кроткий взор, тихая поступь, приветливая улыбка при постоянно серьезном настроении, предупредительность невольно влекли к нему. Припоминается его участие в собраниях по делам храма и прихода. Как дорожили сограждане Иова участием его в народных совещаниях, так и здесь. Прибытие Павла Михайловича в приходское собрание каждый считал имеющим большое значение. Его слова ждали и высоко ценили. Но как он? Он или давал слово другим, или, если выражал свое личное мнение раньше прочих, то говорил всегда в таком смиренном тоне, так кротко, что невольно вспоминается апостольское изречение: "Честию друг друга больше творите". Настойчивости на исполнение своих соображений, которые бы проистекали не из существа обсуждаемого предмета, а только из самолюбия, у него не было. Трогательно и назидательно было видеть Павла Михайловича в числе немногих собравшихся ко гробу имевшего отношение к нему какого-либо скромного труженика, не стоявшего на высоте внешнего положения. Отрада и утешение удрученным скорбию по умершем, приносимые Павлом Михайловичем, особенно красноречиво свидетельствовали тогда о его смиренномудрии и деятельной, смиренной любви к ближнему, ставили его в боголюбезный сонм нищих духом. Смиренный пред людьми Павел Михайлович еще более был таковым пред Богом Промыслителем. Неизбежные в этой жизни скорби, выпадавшие на долю Павла Михайловича, принимались им от руки Всевышнего с полнейшей сыновнею покорностью и богопреданностью. Он не допускал в себе уныния, но молитвою и трудом умерял гучесть печали.

Пример духовной нищеты в лице Павла Михайловича особенно дорог в настоящее время, когда дух гордыни, ропота, тщеславия, превозношения и презорства царит с разрушительною силою у лиц всякого положения. Слова вечной истины "смиривый себе вознесется" явно оправдались на Павле Михайловиче. Чем более он уничижал себя, тем более, помимо его воли, возвышался в глазах знавших его. Будем уповать, что Господь, обещавший смиренным благодать и царство небесное – нищим духом, примет почившего раба Своего Павла в Свое вечное царство любви и беспредельного мира».

В месте, названном иеромонахом Алексием, общиной храма при его восстановлении установлена памятная гранитная плита с текстом: «На этом месте стоял на молитве Почетный гражданин города Москвы основатель картинной галереи Павел Михайлович Третьяков»...» (илл.39).

Глава III. На пути к возрождению

«Вначале было Слово, и Слово было у Бога,
и Слово было Бог».

Ин. 1,1

Прелюдия (1983-1991)

Более полувека прошло с момента закрытия храма до начала кардинальных изменений в его судьбе. В 1983 году, практически одновременно с началом грандиозной реконструкции Третьяковской галереи, началась работа над проектом восстановления храма. В планы было включено возведение снесенных колокольни и куполов, реставрация интерьера и... приспособление его под концертный зал. Это казалось естественным и даже традиционным, не худшим для храма вариантом, в рамках существовавшей тогда идеологии. Не худшим потому, что до этого храмы сносились, чаще полностью, а иногда – частично. Такая опасность нависла над храмом после 1935 года, когда архитектор А.В.Щусев, пристроив новое крыло к галерее справа, собирался симметрично возвести аналогичное слева. Если бы война не помешала продолжить строительство, от храма остался бы только четверик, прижатый к юго-западному внутреннему углу нового здания. Исчезла бы навсегда трапезная, как уже раньше стройная колокольня, а четверик оказался бы в заточении в глухом внутреннем дворе (илл.40). Но нельзя винить Щусева в злом умысле, – он следовал веяниям эпохи. Ведь до революции, напротив, им были спроектированы и построены 28 храмов, в том числе чудесный, стилизованный под новгородский стиль, храм Марфо-Мариинской обители неподалеку от галереи.

От этого варианта, к счастью, ушли авторы современного решения нового, так называемого инженерного, корпуса. Храм также оказался окруженным зданием, но не урезанным, не зажатым в угол, а полностью открытым для обзора с одной стороны и через две большие проездные арки. Архитекторы проекта сделали именно храм ядром композиции старого и нового. Это подчеркивает пронизывающая корпус вдоль первого этажа галерея, напоминающая торговые ряды или гостиные дворы в старых городах России. Там нередко эти галереи образовывали площадь, центром которой являлся храм. Авторы проекта предусмотрели и прекрасный обзор храма со второго этажа самого корпуса, причем, с нескольких точек. А в самом большом экспозиционном зале корпуса создана зона отдыха, где через стеклянную стену открывается целая панорама с видом на храм. Мы специально совершили экскурс, казалось бы в сторону от главного предмета разговора, от храма, – к новым корпусам галереи, но не потому что храм является ее частью, а потому что он органично включен в комплекс (илл.41), в то время как при реализации проекта 1935 года мог быть по сути утрачен.

Итак, в 1983 году по заданию Третьяковской галереи была подготовлена историко-архитектурная справка по храму на основе архивных и библиографических материалов. Работа была выполнена во Всесоюзном специализированном реставрационном производственном объединении «Союзреставрация». Исследование опиралось на материалы архивов г.Москвы, Октябрьской революции, древних актов и

архива Третьяковской галереи. Были использованы документы канцелярии Московского генерал-губернатора, Московской духовной консистории, управы Благочиния, Императорского Московского археологического общества. Очень важным подспорьем стала книга о Николаевской церкви в Толмачах бывшего дьякона храма Федора Соловьева. Краткое, но достаточно полное описание храма и переделок в нем содержала также метрика 1900 года. Был исследован и круг аналогов храма, как сохранившихся, так и разрушенных. Не обойдены вниманием и документы 30-х годов, когда храм был закрыт и приспособлен под запасник Третьяковской галереи.

С использованием результатов этого исследования был разработан проект восстановления храма в 13-ой мастерской Моспроекта-2 коллективом под руководством главного архитектора-реставратора Александра Александровича Бернштейна. К сожалению, в старых документах чертежей сохранилось очень мало и проект наружного облика и интерьера храма подготовлен на основе аналогов и фотографий. Восстановление колокольни по фотографии имело свои издержки, которые корректировались непосредственно при возведении колокольни, о чем позже будет еще рассказано. Дело в том, что на фото сооружение большой высоты представлено в ракурсе, а компьютерные методы устранения искажений еще мало применялись.

Мастерская архитекторов-реставраторов фактически была субподрядчиком главного проектанта Третьяковской галереи, которым являлся Московский научно-исследовательский и проектный институт объектов культуры, отдыха, спорта и здравоохранения (МНИИПОКОСиЗ или далее МНИИП). По храму на этот институт были возложены задачи проектирования его подземного этажа и инженерного оснащения всего объема церкви. Координировал все работы главный архитектор проекта новых зданий галереи Геннадий Владимирович Астафьев. Участие в проектировании систем искусственного климата, автоматического пожаротушения и экспозиционного освещения, как и для всех зданий галереи, принимали финские инженеры из фирмы «Аэромекано». Потом с привлечением наших специалистов они вели монтаж из своих агрегатов. Заметим, что прецедентов оснащения таких сооружений, как храмы, подобными системами в России еще не было. О воссоздании храма Христа Спасителя, тоже имеющего сегодня сложную инженерию, еще даже не говорили. Но это было начало работ по восстановлению церкви только в качестве концертного зала, а не как действующего храма.

До возвращения автора в галерею уже в качестве сотрудника в 1989 году, ему приходилось часто проходить мимо грандиозной стройки по Большому Толмачевскому переулку, мимо храма на Большую Ордынку, чтобы навестить свою мать, которая жила напротив храма Всех скорбящих Радость, в доме, где он и сам провел восемь лет после переселения с территории галереи в 1961 году. Конечно, не случаен был этот не самый короткий путь. Стройка завораживала, так как реконструкция галереи всегда была мечтой отца автора, отдавшего ей всю жизнь, а затем стала и мечтой его самого. Большой Толмачевский тогда на протяжении долгого периода представлял большую траншею в связи с перекладкой коммуникаций. И вот как-то пробираясь вдоль нее, автор заметил на четверике храма некоторые изменения: как будто появились основания барабанов, так называемые трибуны (илл.42). Затеplилась в душе надежда, но не без сомнения: да, автор знал и видел, что строят галерею, но чтобы восстановить храм в первоначальном виде, – в те годы трудно было об этом помыслить. Позже, еще сильнее поразило появление временного шатра, над

тем местом, где должна была быть колокольня. Это показалось каким-то чудом. Наверно уже тогда подсознательно возникло желание участвовать и помочь в этом удивительном процессе возрождения, нет, еще не храма, а части галереи и памятника русской архитектуры. Но сама мысль об этом казалась сюрреалистичной, так как профессия автора, – математик, ничего общего с искусством не имела.

Однако пути Господни неисповедимы, и точка пересечения нашлась: автор стал сотрудником вновь образованного отдела информатики Третьяковской галереи. К этому моменту барабаны на четверике были готовы, и колокольня чуть-чуть приподнялась над крышей трапезной. Так получилось, что с рабочего места в отделе информатики, расположенного в инженерном корпусе, открывался вид на храм. Теперь каждый день автор мог видеть его преображение. В детстве отец один раз показал ему храм изнутри, бывший тогда запасником галереи (там в память врезалась мрачная картина в черной раме «Александр II на смертном одре», до сих пор не вышедшая из запасника в залы), и теперь возникло сильное желание побывать в храме опять. Оказалось, что это просто: на стройку внутрь мог войти каждый, так как рабочих там почти не было. Дорогу показал один сотрудник из инженерной службы.

Внутри в полутьме можно было увидеть тускло мерцавшее золото на сводах, но смотреть надо было под ноги: там всюду в полу зияли глубокие провалы. Шел процесс бетонирования стен и перекрытий подвального этажа, «ванны», как говорят профессионалы. Суть в том, что раньше подвала под всем храмом не было, а была небольшая котельная под полом северной части трапезной. Новый подвал включал помещения для инженерного оборудования и артистические, так как продолжалась еще реконструкция храма под концертный зал. Но бетонирование подвала наряду с утратами – вынужденным демонтажом придельных иконостасов – имело и благой результат: благодаря бетонному монолиту существенно усиливался фундамент храма, держащий на себе давление полутораметровых стен и обширных сводов. К сожалению, к тому моменту интерьер храма пострадал не столько от строительства, сколько из-за годового запустения, перерыва между выездом запасника и началом строительных работ в 1985-86 гг...

Двадцатка (1992)

В 1988 году, в разгар перестройки, в стране было решено торжественно отметить 1000-летие Крещения Руси. В связи с этим событием церкви стали передаваться некоторые храмы, монастыри. Был восстановлен Данилов монастырь, ставший духовно-административным центром Русской православной церкви. Состоялся конкурс проектов храма-памятника в честь великой даты, к сожалению завершившийся только установкой закладного камня неподалеку от дворца в Царицыно (сейчас храм построен уже в другом месте, неподалеку, и совсем не такой уникальный, как замысливалось). Участие автора этих строк в конкурсе оказалось впоследствии, при восстановлении нашего храма, существенным подспорьем, так как работа над конкурсным проектом значительно расширила его познания как в церковном зодчестве, так и в сфере функций храма и его частей. На этом фоне изменения отношения государства к церкви, стали очень быстро, (хотя и не без трудностей) при еще закры-

тых и полуразрушенных или изуродованных храмах, появляться церковные общины.

Связанные по своей работе с церковной тематикой сотрудники галереи, наиболее инициативные из них и близкие по своим духовным воззрениям к церкви, пришли к мысли, что образование подобной общины в галерее будет естественным шагом и сохранит храм в составе музея. Так в начале 1992 года Анатолий Михайлович Лукашов (+2012), специалист по древнерусской живописи, предложил своим коллегам подумать о возможности создания приходской общины при галерее и регистрации храма как домового. В инициативную группу вошли его коллеги, также как и он, проработавшие в галерее не один десяток лет: Галина Васильевна Сидоренко из древнерусского отдела и заведующая фототекой Надежда Владимировна Окурenkova (илл.43). Оставалось дело за «малым»: убедить Юрия Константиновича Королева, в то время генерального директора ГТГ, изменить проект реконструкции храма под концертный зал на его восстановление в качестве действующего домового храма при музее. (Это сегодня понятна безальтернативность такого решения: в ином случае не было бы в нем ни концертного зала, ни храма-музея, а мог бы он стать просто одним из многих приходских храмов и отношения к галерее уже не имел.)

Ю.К.Королев был известным художником, членом партии, имел доступ в верхние эшелоны власти (илл.44). И, конечно, ему трудно было в рамках своих убеждений принять тезис «о государстве в государстве». Но он уже один раз во благо общественных интересов поступил даже «собственной песней», творчеством художника, взвалив на себя тяжкую ношу реконструкции галереи. Возможно, не сделай он этого – здравствовал бы и сегодня... Но так было надо галерее, – надо было и на этот раз. Были неоднократные обсуждения непростого, вообще говоря, вопроса. Иногда было непонимание, но в результате, в конце мая, он сам вошел в эту инициативную группу. В известной мере, это была и дань времени исторических радикальных перемен, связанных с событиями августа 1991 года. Но за этим прагматичным решением стояла благородная идея: сохранить храм, связанный с Павлом Михайловичем Третьяковым как действующий, но в юрисдикции как музея, так и церковного руководства. (Отец автора М.Н.Махалов, еще 30 лет назад предлагая варианты реконструкции галереи, был убежден в необходимости создания в храме экспозиции икон. Разумеется, в те времена он даже представить не мог, что храм может стать действующим и при галерее, хотя был человеком истинно верующим.)

Большой труд по подготовке документов об учреждении общины и статусе храма в составе музея, проведению их через церковные структуры взял на себя А.М.Лукашов, как инициатор образования общины. На завершающем этапе представления документов в Патриархию принял участие старший сын последнего настоятеля храма о.Илии, Сергей Ильич Четверухин. В июне 1992 года предложения были рассмотрены на встрече Его Святейшества и Генерального директора галереи. По Указу Святейшего Патриарха учреждалась церковная община, и храм, оставаясь в составе музея, получал статус домового, открытого типа. Это учитывало расположение храма непосредственно на территории музея и исторический аспект активного участия основателя галереи Павла Михайловича Третьякова и его семьи в церковной жизни этого храма.

В ноябре 1992 года Святейшим Патриархом в храм был назначен настоятель, протоиерей Николай Владимирович Соколов, служивший в то время в храме на Ваганьково. Вскоре настоятель храма Святителя Николая в Толмачах был представлен коллективу сотрудников Третьяковской галереи. После собрания состоялось знакомство автора с настоятелем, итогом которого стало предложение автора о.Николаю помощи в восстановлении храма, которое было принято.

18 декабря, в канун Николина дня, о.Николаем после 63-летнего перерыва были отслужены торжественный молебен и панихида об упокоении протоиерея Ильи Четверухина, погибшего 60 лет назад в лагере. Богослужение проходило необычно: в главном алтаре храма, вместившем тогда и клир, и приход, – всего человек 20. В самом четверике разместиться было невозможно из-за гор земли, открытых каналов в полу и лесов, поскольку строительные работы и реставрация живописи тогда проводились одновременно. То благоговейное состояние в алтаре помнится автору до сих пор, наверное также как и всем, принявшим в нем участие.

23 декабря скончался генеральный директор Государственной Третьяковской галереи Юрий Константинович Королев, начавший и осуществивший большую часть работ по реконструкции музея, принявший решение и заложивший основы восстановления храма-музея. Его отпевал в храме Воскресения Словущего на Ваганьково протоиерей Николай Соколов, назначенный настоятелем в храм галереи, но еще продолжавший там служить. На панихиде он сказал самые проникновенные слова о директоре галереи, хотя был с ним едва знаком. Проститься с Юрием Константиновичем приехал на кладбище владыка Питирим.

С тех пор каждый год в этот день на Ваганьковском кладбище о.Николай служит панихиду на могиле Юрия Константиновича Королева....

Глава IV. Воссоздание (1992-1997)

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом...
время разрушать, и время строить;
время разбрасывать камни, и время собирать камни...»
Еккл.3, 1-5

Эта глава полностью посвящена строительным работам по восстановлению храма, и автору, курировавшему этот процесс от общины, она наиболее близка. В ней также показана и необычность храма-музея, связанная, в том числе, с его инженерно-техническим оснащением, а также детали, невидимые глазу посетителя.

В продолжение всех лет реконструкции Третьяковской галереи каждый понедельник собирался штаб с участием сотрудников Управления капитального строительства музея (УКС), авторов архитектурных, строительных и технических проектов. В 1992 году работы по основным зданиям музея были в самом разгаре и уже построили и ввели в эксплуатацию два новых сооружения: депозитарий и инженерный корпус, в котором даже открылась экспозиция. Велись работы и по малым историческим зданиям галереи, где по завершении работ должны были разместиться открытый запасник икон, дом графики, охрана галереи и пожарная служба. По плану, работы по храму должны были завершать реконструкцию всего комплекса зданий галереи в Лаврушинском.

Восстановление здания церкви, уже как действующего храма, началось в самом конце 1992 года. Курируя работы по воссозданию храма, автор в течение пяти лет вел дневник о ходе восстановительных работ. Весь текст этой главы основывается на записях дневника, но не повторяет их. Хронология событий в целом сохранена, но детали опущены. И наконец, далее, но только в этой главе, автор будет именовать себя «куратором».

1992

Первое совещание с проектантами состоялось в помещении Управления капитального строительства галереи 14 декабря 1992 года. На нем присутствовали, кроме положенных, как обычно, представителей заказчика в лице сотрудников УКСа, проектантов и прорабов с бригадами, представители вновь образованного приходского собрания храма. На повестке дня было изменение уже готового проекта концертного зала в здании церкви (илл.45) на проект действующего храма как такового.

Нами сразу были поставлены конкретные вопросы, связанные с функциями не просто церкви, а храма-музея с домовым статусом. Одни вопросы требовали принципиальных изменений в проекте, другие – привносили в проект уточнения. Так, они включали с одной стороны: учет особенностей музейного режима, связанного с системами климата, охраны, пожаротушения, экспозиционного освещения, с другой – канонов храмовой жизни.

В некоторых вопросах требования музея и церкви полностью совпадали. Так, вход в намечавшийся концертный зал планировался из подземного вестибюля галереи, что отвечало условиям домового храма. Однако проем лестницы, ведущей из подземного вестибюля инженерного корпуса наверх, в храм, пришлось уменьшить по площади в два раза, так как первоначальный размер проема захватывал площадь пола между двумя киотами и не позволял бы подойти к иконам.

От концертного зала оставался не совсем традиционный для храма элемент, уже выполненный в бетоне: полукруглая лестница, ведущая из подвала прямо в... алтарь Никольского придела. У членов приходского собрания были сомнения в целесообразности ее сохранения, но настоятель решил оставить. Готовность о.Николая идти на компромисс с проектантами не раз нас выручала, хотя и удивляла на первых порах, так как мир церкви казался закрытым и консервативным. В этом случае было решено только сузить лестницу и уменьшить традиционный размер престола в алтаре.

Но главным вопросом стало обсуждение вариантов нового назначения помещений подвала: теперь вместо артистических там необходимо было разместить кабинет настоятеля, ризницу, крещальню, помещения для обслуживающего персонала. Место для крещальни отвели под четвериком, в самом большом помещении, что диктовалось необходимостью размещения там стационарной купели для взрослых и переносной для младенцев с учетом пожарных норм на размер проходов между стенами и оборудованием. Это помещение было предпочтительней и своей ориентацией на восток, что позволяло его использовать, в случае необходимости, как часовню (илл.46).

Те, кто был во дворе храма, обратили внимание на мраморный монумент в виде аналоя на клумбе за абсидой в память похороненных на существовавшем рядом с храмом погосте. Памятник был установлен значительно позже после этого совещания, в сентябре 1999 г. А в то время не было еще и церковного двора и тем более клумбы: храм окружал временный деревянный забор, за которым у стен храма были горы земли и россыпи разных строительных материалов, точнее обломков, как это часто бывало на наших стройках. Но знаменательно, что уже на первом совещании наш настоятель предложил подумать о памятном знаке, нашем долге тем, кто когда-то упокоился на церковном погосте...

1993

Бойкое начало породило в нас надежду на скорую реализацию замыслов, но только через полтора месяца, в феврале уже следующего, 1993 года, состоялось совещание по детальному обсуждению инженерных систем. Это были вопросы, регламентировавшие, по сути, широкий фронт работ собственно по реставрации интерьера. Причина в том, что все электрические коммуникации закладывались в стальных трубах в стенах или на бетонном тогда полу храма. И этих коммуникаций набралось уже не десятки, а сотни метров. Паутина труб должна была учесть все и расположиться оптимальным образом. В трубы заключались не только осветительные кабели, но и провода охранной сигнализации, связи, радиотрансляции, видео-

наблюдения. Планировали даже внутреннюю разводку для профессионального телевидения.

Совещание из одного дня растянулось на целую неделю. Вот только перечень обсуждавшихся вопросов: вентиляция и отопление, сантехника, охранная сигнализация, звукоусиление, электроосвещение, пожарная автоматика и сигнализация. При этом многие из них решались впервые и требовали оригинальных проектов.

Несмотря на напряженную неделю, настоятель заглянул далеко вперед еще в одном вопросе: попросил подумать о проекте купели. По его совету куратор посетил крещальню при храме Свт.Николая на Новокузнецкой и осмотрел мраморную купель, созданную по образцу купели древней христианской церкви в Абхазии. Купель представляла собой лежащий полый крест, утопленный в пол и облицованный мрамором. И там стало понятно, что таких высоких требований по технологии строительства как в нашем храме, – просто никто не выдвигает...

Сама идея показалась и простой, и содержательной. Работа захватила, и через неделю на суд о.Николая и архитектора Астафьева был представлен эскизный проект купели для нашего храма (илл.47). Это тоже был крест, но на пересечении образующих был введен восьмигранник, по образцу византийской купели. (Не исключено, что в подобной купели в Херсонесе крестили Святого князя Владимира. В Италии, в Равенне, в православном храме, купель такой формы существует до сих пор.) Сложившийся абрис купели позволил не только обогатить идейное содержание, но и минимизировать габариты купели с сохранением объема, что было существенно для небольшого пространства крещальни и обеспечения возможности крещения людей не только «скромных габаритов».

Кроме архитектурной части, встал технический вопрос эксплуатации купели. Дело в том, что слив освященной воды из купели по канонам не мог быть произведен в канализацию. Рассматривались две возможности: сброс в скважину, то есть в водоносный слой, и в ливневый сток, откуда вода уходила в реку, минуя очистные сооружения. Реализация скважины на территории музея показалась более сложным методом. Но во втором варианте ливневый сток оказывался более чем на метр выше дна купели. Главный конструктор В.Л.Глазуновский (+2001) предложил спускать воду из купели самотеком в специально сооруженный рядом с крещальней колодец, а уж из него автоматически включающимся насосом поднимать до уровня ливневого стока. Отметим, к чести конструкторов: система устойчиво работает до сих пор.

Через некоторое время о.Николай попросил учесть в конструкции вторую возможную функцию купели: освящение воды в праздник Богоявления. Актуальность этого предложения нам стала ясна позже, когда в храме Богоявление праздновалось в первый раз и освященной воды едва хватило на всех. Так в проекте появилось добавление: на специальном вводе в верхней части внутренней фронтальной стенки появился золоченый крест с маленькими отверстиями, через которые могла сочиться вода. Ну и наконец, на этапе выполнения исполнительных чертежей купели существенный последний штрих внес архитектор Г.В.Астафьев, предложивший изящный профиль для «накрывки», то есть верхней горизонтальной мраморной плиты стенки купели.

...А пока неторопливо росла колокольня. Пришлось куратору начинать привыкать к высоте, подъему по наружным лесам к третьему последнему ярусу. Если хоть какие-то исторические чертежи двух предыдущих ярусов сохранились, то для

третьего яруса чертежи выполнялись по фотографии. Тогда возникло первое подозрение в правильности пропорций: была вычерчена дополнительная, диагональная, проекция двух верхних ярусов и сомнения высказаны архитектору А.А.Бернштейну. Он благожелательно среагировал на ситуацию и решил добавить два ряда белого камня в основание третьего яруса.

Но работа шла неторопливо, и было время еще раз все проверить. Причин неторопливости было две. Во-первых, периодически возникал дефицит кирпича. (До сих пор у автора хранится копия письма заместителю министра культуры В.А.Родионову с просьбой ускорить решение вопроса с кирпичом. Да, именно на уровне министерства решались эти вопросы. Не знал тогда еще Валентин Алексеевич, помогая нам с поставкой материалов, что станет через год после этого Генеральным директором галереи и непосредственно включится в процесс восстановления.) Вторая причина заключалась в «муках творчества». Изящная колокольня включала массу белокаменных деталей, которые высекались мастерами из камня внутри храма (илл.48). На один ярус нужно было изготовить по восемь коринфских капителей, работа над каждой занимала месяц. И устанавливали их сами эти же мастера.

Здесь нельзя не вспомнить бригадира камнетесов, Виктора Васильевича Головина, заслугу которого в возведении именно колокольни трудно переоценить. Опытный специалист по работе с камнем, имеющий орден за восстановление белокаменного убранства Спасской башни Московского Кремля, все ключевые моменты контролировал только сам. Ему-то и было куратором предложено после исправления яруса по высоте проверить его диаметр. Для этого была изготовлена модель фрагмента колонны в натуральную величину. И вот Виктор Васильевич по нашей договоренности перемещал модель наверх, а куратор снизу сверял с фотографией из альбома Найденова. Тут вроде все было верно, хотя Николай Ильич Четверухин, младший сын последнего настоятеля перед закрытием храма в 1929 году, иногда высказывал сомнения в правильности пропорций. Так что проверка была не лишней.

Хотя колокольня еще не была завершена, о.Николай уже задумался над заказом колоколов и, конечно, возможностью их повески в ближайшем будущем. А возможности-то как раз и не было: ярус звона уже был возведен, но полностью отсутствовали балки для большого колокола и фактически имитацией были железобетонные балки в проемах яруса для малых колоколов. Причина понятна: реализовывался проект концертного зала, а ему не были нужны колокола...

Неоценимую помощь в решении вопроса обустройства звонницы оказал старший сын протоиерея Ильи Четверухина, Сергей Ильич (+1998). Чертежи исторической схемы повески колоколов со всеми приспособлениями были сделаны на основе его подробного и техничского грамотного рассказа (илл.49). Тем не менее, перед подготовкой проекта конструкторы захотели увидеть реальный аналог, и под руководством о.Николая состоялось посещение звонницы Данилова монастыря. Так что на тот момент «теоретическая база» была готова, но до звона было еще не близко.

Одним из важнейших вопросов в восстановлении интерьера храма стала проблема сооружения главного иконостаса в четверике, разобранного в 1932 году вместе с каркасом. Из икон письма XVII века, раньше в нем находившихся, остались только четыре, правда самых больших по размеру, из первого яруса. Написать ико-

ны для остальных четырех ярусов в принципе было возможно, но в храме-музее уместны подлинники. Одним из наших хранителей икон, Г.В.Сидоренко, в депозитории был подобран иконостас, подобный и современный нашему. Куратором на основе схемы Г.В.Сидоренко был вычерчен эскизный проект с сохранением оригинального декора и передан архитекторам-реставраторам (илл.50).

К тому моменту по просьбе УКСа куратор подготовил график проведения строительных и реставрационных работ. Было принято решение о приоритете работ в левом Покровском приделе, отделении его перегородкой от остальной части трапезной и подготовке к совершению богослужений. Основной причиной выбора левого придела была его близость к главному входу в храм из цоколя инженерного корпуса. Конструкторами были даже выполнены проекты временной перегородки и отопления храма. Но, как говорится «мы полагаем, а Господь располагает», – уже к концу года реализовано было иное решение...

В июне настоятель окончательно со всем своим имуществом перебрался из Ваганькова в наш храм. Теперь многие вопросы по реконструкции, связанные с учетом особенностей действующего храма, можно было решать не по телефону (илл.51) Поэтому сразу же состоялось обсуждение настоятелем, членами приходского собрания и архитектором Г.В.Астафьевым детальной планировки подвала: уже с учетом встроенной мебели, ее функциональных и стилевых особенностей. Тогда же обсудили вопрос о вариантах расположения мемориальной зоны в храме, создание которой началось только в 2000 году.

Пока практически велись только наружные работы, но и они тормозились теперь не только нерегулярными поставками кирпича, но, что более важно, отсутствием белого камня большого размера для восстановления карниза, который сохранился только на двух небольших участках трапезной со стороны придельных алтарей. Без установки карниза кровля, очевидно, не могла быть закончена. При этом камень был необходим с высокими прочностными характеристиками, так как вынос его – не менее полуметра, причем, без армирования. В этой проблеме мы были не одиноки: такая же стояла и в восстанавливаемом доме Пашкова, но решена была там значительно позже.

В июле, наконец, руководство галереи дало куратору наряду с обязанностями небольшие полномочия, назначив, по совместительству с основной работой, ведущим инженером по технадзору. А это означало обязательный ежедневный обход всех точек объекта, где велись работы, с фиксацией их хода, выявления несоответствий проектам с последующим еженедельным изложением на штабе строительства.

Серьезные трудности возникли с кровлей трапезной. По проекту реконструкции кровля заменялась полностью на новую медную с заменой стропил и обрешетки. При этом работы постоянно приостанавливались: из-за нехватки бруса для стропил, теса для обрешетки, медного листа или отсутствия рабочих. Так что крыша перекрывалась по частям в течение длительного времени. Закрытие стыковки старой и новой кровли толем в дождь давало неутешительные результаты: влага просачивалась и пропитывала стены и своды. Проходя через своды насквозь, она вызывала отслоение и шелушение живописи. Так, в Никольском приделе было утрачено более 30% живописи центрального плафона.

На очередном заседании штаба вопрос о протечках был поставлен перед руководством Мастерской-1 «Центрреставрации»: последовали заверения в их ликви-

дации в ближайшие дни. Однако и через неделю протечки не ликвидировали. И только еще через две недели что-то было сделано. Но радикально проблему могло решить только наличие медного листа, – а его не было. На поставленный на штабе вопрос о виновном в утрате фрагментов росписей определенный ответ не был получен. А вот вина за отсутствие фото росписей перед реконструкцией, была строителями с готовностью возложена на заказчика и архитектора, – то есть на нас.

Все эти проволочки весьма озаботили настоятеля и приходское собрание. Были направлены телефонограммы министру культуры и президенту Главмосстроя о невыполнении работ по храму в соответствии с решением коллегии, принятым в мае, и вообще о возможном прекращении работ в связи с невыполненными строителями требованиями пожарной охраны...

В августе пришло время вплотную заняться утварью храма и, в частности, паникадилами. К счастью, в депозитарии сохранилось главное паникадило из трапезной. Оно было в разобранном виде. И вот, перебрав все части, проверив комплектацию, описав недостающие детали, мы подготовили паникадило к отправке на реставрацию. Оно будет восстановлено в первоизданном виде, но изменит цвет с серебряного на золотой. (Удивительно, но только это паникадило не темнеет: по-видимому, такой эффект дает покрытие по серебру.)

Наконец-то был найден и белый камень для карниза в карьере в Тяжлово, и часть его удалось вывезти на распиловку в Водники. Хотя его хватало пока только на часть карниза, главное, что он удовлетворял заявленным требованиям на прочность. А для живописи удалось приобрести в Свято-Даниловом монастыре заменитель золота – поталь.

Порадовала в августе и финская фирма: были представлены принципиальные схемы на отопление и вентиляцию, – иначе зимой могли остаться вообще без тепла. Также фирма сделала предложения и по экспозиционному освещению. И сентябрь, можно сказать, прошел под его знаком. После многочисленных обсуждений вариантов с главным хранителем Л.И.Ромашковой, архитектором Г.В.Астафьевым и о.Николаем было решено: ослабить подсветку свода в четверике, нижний ярус главного иконостаса подсвечивать из ниш боковых окон, а киоты – с консолей на стенах. Верхний ярус главного иконостаса подсвечивался с трех сторон карниза. А светильники для подсветки центральной части главного иконостаса разместили в углах четверика. Своды трапезной решили не подсвечивать, но уже после монтажа приборов изменили это решение за счет направленности светильников.

Пришло время принимать проект главного иконостаса. Авторы проекта очень нас удивили, сократив число ярусов до четырех и заявив, что поскольку иконы из другого (не родного) иконостаса большего размера, нельзя жертвовать историческим декором, уменьшая его. Но им было предложено вернуться к нашему первоначальному эскизу с пятью ярусами, с учетом того, что иконы верхнего яруса нового иконостаса меньше по высоте. Доработка проекта продолжилась, и архитекторы уже приезжали сами в депозитарий для снятия точных размеров с икон. Но все-таки ошиблись с высотой четвертого яруса, что наблюдательный глаз может сегодня заметить.

Но не все время приходилось витать в проектных высях: надо было возвращаться к принятому еще в мае решению о подготовке по временному варианту для проведения богослужений левого Покровского придела. Первое богослужение пла-

нировалось совершить накануне престольного праздника, Николина дня, 18 декабря. Вопрос с отоплением являлся, безусловно, актуальным. Но главным препятствием стало отсутствие лестницы, ведущей в придел: был только проект и зияющий в углу храма огромный квадрат провала, половина которого должна быть перекрыта. А пока туда вел только деревянный трап...

В самом конце сентября приступили к обсуждению с фирмой «Аэромекано» систем пожаротушения и сигнализации. На примере главного иконостаса поясним принцип работы системы. Сопла подачи рабочего тела, тушащего огонь, газа «галлон», должны были быть расположены как с лица, так и с оборота иконостаса на нескольких уровнях. В случае возгорания датчики двух типов (на открытое пламя и на задымление) дают звуковую и визуальную информацию, для того, чтобы люди, находящиеся в помещении, его покинули. Затем срабатывают исполнительные механизмы, и по трубам газ из баллонов поступает на распыляющие сопла. Равномерным шлейфом стекая сверху вниз, газ тушит пламя. И хотя под главной аркой храма согласно обязательным пожарным требованиям расположены шкафы гидрантов, именно эта система является рабочей, так как попадание воды на иконы должно быть исключено.

Кладка колокольни продолжалась (илл.52), но крайне медленно: не хватало каменотесов. Наконец, когда были установлены капители 3-его, последнего большого яруса, на колокольне начались штукатурные работы. А вот работы по карнизу трапезной пока не велись, да и половину объема белого камня, порядка 50 куб.м еще не вывезли из карьера. Зато когда поступила первая партия медного листа на кровлю, появилась надежда успеть до зимы.

В ноябре на очередном штабе сроки окончания работ по колокольне, карнизу и крыше трапезной были отодвинуты на 30 декабря, так что с крышей до зимы не успевали. Работы по сооружению белокаменного карниза на трапезной только начались.

С фирмой «Элерон» прошло обсуждение охранной сигнализации с участием наших служб и настоятеля. Обсуждались все режимы снятия с охраны дверей, приделов, как в режиме музея, так и храма; уточнены технические средства защиты; намечены дополнительные защищаемые объекты. Возникла необходимость в согласовании с главным хранителем галереи возможности крепления датчиков на иконах, так что каждая икона защищена еще и индивидуально.

Был закончен проект главного иконостаса с учетом наших замечаний о числе ярусов. Осталось выбрать технологию и найти исполнителей. Мы не стали ориентироваться на резной деревянный, – это дорого и долго. Тогда наиболее вероятным казался золоченый гипс, но время предложило не совсем традиционную технологию...

Менее трех недель оставалось до первого богослужения в декабре, которое решено было все-таки совершать в четверике, а не в Покровском приделе. На этом этапе пришлось заниматься скорее хозяйственными делами, чем строительными, взаимодействуя как со службами галереи, так и членами общины. И, конечно, большую часть работ по подготовке к первому богослужению выполнила община, но об этом рассказ впереди...

Здесь же только скажем, что через 60 с лишним лет после малого освящения и торжественного молебна 18 декабря 1993 года храм снова стал действующим...

А уже 29 декабря 1993 года с Л.И.Иовлевой, исполнявшей обязанности генерального директора галереи, обсуждался вопрос финансирования реставрации икон для храма. Куратору было поручено подготовить совещание с участием дирекции, архитекторов и общины. Таким образом, администрация музея добавила куратору также организационные функции, и начался пятилетний марафон.

1994

Второй год работ по храму начался с обычной месячной раскочки. Хотя один важный вопрос был решен: определены места икон «Владимирской» и «Троицы» в храме, так как к ним заблаговременно должны были быть подведены системы охраны и пожаротушения. В общих чертах были намечены и сами средства защиты икон.

В начале февраля произошло действительно важное событие, во многом определившее программу возрождения храма. Вновь назначенный Генеральный директор В.А.Родионов на совещании с приходским собранием обещал лично контролировать работы по восстановлению храма и просил куратора подготовить график всех работ по храму. Обсуждалась даже возможность радикальных изменений в организации работ с заменой прораба и заключением договора с рабочими напрямую.

Март начался с бурного штаба, на котором В.А.Родионов в жесткой форме высказал претензии к работе реставраторов из «Центрреставрации». Особо он указал на протечки на сводах трапезной, из-за которых живопись могла погибнуть. (С проблемой протечек крыши связан комичный эпизод с участием генерального директора и настоятеля храма. Решив лично проверить ситуацию, В.А.Родионов вместе с о.Николаем поднялись на чердак, но произошло это как раз в обеденный перерыв, когда рабочие по нашему строгому наказу храм запирали ... снаружи. Проходя мимо храма, куратор с удивлением услышал голос директора, доносящийся откуда-то сверху... из слухового окна. Ну, рабочих, конечно, нашли, а эпизод этот вспоминаем до сих пор.)

Наконец в апреле, генеральный директор галереи принял решение сменить субподрядчика по всем реставрационным работам: предварительно было рассмотрено, в качестве варианта для замены Суздальское художественно-реставрационное училище (СХРУ). Директора училища, И.Б.Петрова, хорошо знали в министерстве культуры: и как реставратора, и еще как директора Суздальского музея-заповедника. Новый исполнитель брался, в частности, за изготовление резного главного иконостаса за значительно меньшую сумму, чем планировалось. При хронической нехватке средств это было весомым аргументом. (Рассматривался и другой вариант: польская фирма PKZ, блестяще проявившая себя восстановлением дворцов в Царицыно, но он, вероятно, требовал более солидного финансирования.) В итоге было решено все-таки разделить работы между тремя субподрядчиками, но за все работы по интерьеру отвечало теперь СХРУ.

27 апреля окончательное решение о новом субподрядчике было зафиксировано подписанием протокола по внутренним реставрационным работам и сдаче их «под ключ». Однако СХРУ было отказано в перевозке икон для реставрации в Суздаль. Также было намечено впредь все решения по реставрационным работам принимать на реставрационных и методсоветах, состав которых был утвержден.

Однако, что гладко было на бумаге, – при реализации вызвало ряд трудностей. Так, Петров попросил куратора поставить вопрос об изменении проекта интерьера четверика и главного иконостаса под стиль Успенского собора во Владимире, так как в храме будет размещаться Владимирская икона Божьей Матери. Куратор был обескуражен этим фантастическим заявлением и смог только сказать: «У каждого храма своя история...»

Но пока реставраторы работали с бумагами, – сдвинулись с места сразу в нескольких точках строительные работы, выполнявшиеся в основном СУ-5. Наконец, 12 апреля была начата подготовка под купель, к которой у куратора, как у автора проекта, был особый интерес: отбойным молотком начали вскрывать пол в центре крещальни. Смонтировали опалубку и уложили арматуру под бетонирование пола в трапезной для уменьшения проема под главную лестницу из подвала, монтаж которой тоже был начат. Само бетонирование гарантировали осуществить в двухнедельный срок, чтобы затем перейти к проходке под стеной храма тоннеля в инженерный корпус.

Продвигались дела на колокольне. На завершающем малом ярусе была смонтирована опалубка под перекрытие и положены балки. На ярусе звона, продолжили отверстия под балки для самого большого колокола. Но возникло ощущение, что балки будут слишком высоко, поэтому работы были приостановлены по согласованию с архитектором. При осмотре звонниц в других храмах полных аналогов не нашли и доверились отлищикам колокола: по их мнению он должен размещаться по высоте в средней трети проема, чему пробитые отверстия под балки в целом соответствовали. Поднявшись с о.Николаем на колокольню и оценив ситуацию на месте, запланировали для звонаря сооружение высокого помоста. В проемах решили не ставить стальных балок, параллельных железобетонным под малые колокола, а просто усилить последние корсетами из швеллеров.

На трапезной стали отбивать старый фриз и на подготовленную плоскость стены устанавливать новую лепнину (илл.53). Бригада из «Центрреставрации», завершая начатую ею работу, оштукатурила апсиду и юг четверика. Правда архитектор Бернштейн не был удовлетворен гладкой поверхностью штукатурки, – надо было выполнить обмазку: XVII век должен быть «шероховатым».

По просьбе главного хранителя ГТГ Л.И.Ромашковой архитектором Г.В.Астафьевым было принято решение об увеличении в два раза ширины обоих ворот в храмовой ограде по Малому Толмачевскому переулку. Причина была в том, что в уже выполненном (историческом) проекте ограды не была учтена возможность заезда с поворотом во двор одиннадцатиметровых трейлеров, привозивших экспонаты на устраиваемые в инженерном корпусе выставки. В связи с этим пришлось уменьшить и площадь двух газонов в церковном дворе. Конечно, эти изменения были затем согласованы с Бернштейном. Так же, как и выполненный куратором по просьбе настоятеля эскизный проект хор в четверике.

Были получены из мастерской два вновь изготовленных паникадила, в том числе самое большое: для четверика. За неимением места пришлось их временно поместить на склад отдела информатики, где куратор тогда работал.

В мае вернулись к проблемам, обусловленным появлением Петрова в качестве субподрядчика. Действительно всем он принес проблемы, а не их разрешение. Вот очередной нонсенс, высказанный им на совещании по иконостасу: сделать главный

иконостас тябловым, то есть фактически из досок, безо всякого декора. К большому сожалению, этот абсурд поддерживали некоторые из сотрудников древнерусского отдела. Хотя их намерение было прозрачным: чем лапидарнее сам храм, чем меньше «церковности», тем лучше, «по музейному», будут смотреться иконы. Они даже не подумали о том, что все чертежи потребуются делать заново. Ни до чего не договорившись, решили вынести вопрос об иконостасе на Ученый совет.

Но Министерство культуры все-таки отслеживало ситуацию: на штабе в конце месяца появился зам. министра В.И.Брагин для встречи с сотрудниками «Центрреставрации», которые обязаны были закончить уже начатые работы. Также они обещали установить всю столярку в течение месяца. За «Центрреставрацией» решили также оставить изготовление дверей и тамбура.

В мае занялись благоустройством территории, которую к югу от храма быстро очистили от мусора и начали копать траншею под фундамент ограды. Но ошиблись в направлении, о чем куратор сообщил конструктору (так как рабочие ссылались на чертеж) и работу приостановил. К концу месяца фундамент из блоков был закончен. И, наконец, на колокольне были установлены и замоноличены балки под большой колокол, а для завершения колокольни привезли железный каркас маковки. Вот таким небогатым на достижения выдался месяц май, хотя суеты было много.

Июнь начался со штаба, на котором о завершении колокольни отчиталась «Центрреставрация» (предупреждение о полном разрыве договора подействовало). Остальные вопросы касались планов работ. Кровлю тот же исполнитель обещал завершить до 15 июня. 10 июня СУ-5 собиралось начать работы по водопроводу и канализации, с отставанием от графика уже на две недели.

На колокольню был поднят каркас луковицы, так как на последнем перекрытии завершающего яруса уже был сложен квадратный столб с малым барабаном на нем и поставлено одно кружало (стропило) большого купола (илл.54).

Смотрю южной стены трапезной показал, что снаружи она уже промочена сверху донизу из-за медленного выполнения новой кровли, да и из-за случившегося пожара. Загорелся киот в юго-восточной части Никольского придела из-за забытого сварочного электрода. В то время вели сварку в каналах отопления, а гипс на киоте был положен на войлок. Строители ушли на обед, но... зато быстро прибыли пожарные. Самое удивительное, что в густом дыму они не сбили с подставок высекаемые капители. Но поднявшись на чердак свод и стену они «пролили» от души, как куратор не уговаривал их лить поменьше (илл.55).

Так что весьма вероятным стало сбивание штукатурки снаружи с последующей сушкой стены в течение всего лета. Кроме этой «хронической болезни» возникла новая опасность: намокание южной стены четверика по причине плохого исполнения сливов на его крыше и капельников на карнизах. Ситуация усугублялась наклоном четверика к северу: стена начала в некоторых местах зеленеть. При очередной встрече об этом было доложено автору проекта реставрации Бернштейну. При осмотре интерьера обнаружили новую протечку: в левом приделе, – до сих протекал только правый. О протечках пришлось доложить директору: он поручил составить соответствующий очередной документ в «Центрреставрацию». В целом за июнь, как и в мае, вперед почти не продвинулись. Наверное, всех расслабил летний период отпусков.

В июле работы активизировались в связи с подготовкой к намеченному на 4 сентября открытию галереи. На заседании по реконструкции галереи с участием Ю.М.Лужкова, состоявшемся 12 июля, В.А.Родионов сообщил, что на открытии галереи Патриарх совершит освящение вновь открываемых корпусов. А для этого необходимо, чтобы левый придел храма был готов. Требовалось и некоторое благоустройство территории, прилегающей к храму. Через неделю по просьбе директора куратором был составлен список самых неотложных дел по храму. А на совещании с архитекторами 21 июля было рассмотрено даже два варианта подготовки храма к 4 сентября: левый придел или четверик.

Однако, все больше складывалось впечатление о нереальности претворения этих наших планов, и поэтому на первое место вышло, вольно или невольно, приведение к законченному виду внешнего облика храма и окружающей его территории. Это отвечало наибольшей реальной готовности объекта по наружным работам. Какие бы огрехи не допускала «Центрреставрация» – она по наружным работам за прошедшие годы сделала немало. На четверик поставлены барабаны с куполами и крестами, заново возведена колокольня, возобновлялся наружный декор трапезной, завершались работы по кровле. А вот внутри, из-за смены субподрядчика, работы по реставрации интерьера не возобновлялись. Да и предыдущим исполнителем была отреставрирована только часть живописи четверика. К тому же в момент открытия галереи внешний вид был важнее: от главного входа в галерею храм с церковным двором, хотя и частично, но просматривается. А молебен можно было отслужить и в залах. В итоге чувство реальности все-таки возобладало.

Уже через неделю после совещания с Ю.М.Лужковым с территории храма был вывезен строительный мусор. До сентября надеялись не только обустроить приямок под южной стеной четверика, связанный с купелью, но и забетонировать двор. В этот же период времени был закончен карниз трапезной и стены начали готовить под покраску: оштукатуривать и грунтовать. К завершению подошли работы по медной кровле, но закончить их мешали леса колокольни. А на колокольне велись работы по установке деревянных кружал под большой купол и завершению главки колокольни (илл.56).

9 августа в храме состоялось обсуждение руководством мер по приведению в порядок площадей храма и прилегающей территории. Было намечено в кратчайшие сроки убрать из храма остатки белого камня, использовавшегося для наружных работ и снятое белокаменное мощение пола главного алтаря. Для обеспечения фронта работ по прокладке в полу каналов отопления было необходимо демонтировать и часть временной деревянной солеи.

В начале августа из выкопанного котлована у южной стены четверика был пробит временный проход в помещение крещальни. В нем и соорудили приямок под сток воды из купели, установив железобетонную секцию стандартного колодца. Затем сделанный проран в стене был наглухо замоноличен. Через эту стену была только пропущена труба, ведущая из приямка в дренаж. С северной стороны четверика также был выкопан котлован, но уже для сооружения входа в подвал, в помещение крещальни. С юга практически закончили ограду территории. А на северном отрезке ограды успели даже навесить ворота.

Во время своего очередного посещения строительства, 16 августа, Ю.М.Лужков зашел и в храм, на который после открытия галереи, должен был быть

перенесен центр тяжести восстановительных работ. Деловито поинтересовавшись текущим состоянием работ, в углу четверика он обнаружил наш полиелейный колокол, «ожидавший» установки балок в звоннице. Узнав, где колокол отливался и стоимость работ, Юрий Михайлович порекомендовал нам другого исполнителя, который мог сделать это не хуже, но дешевле. Мы, правда, его советом не воспользовались и пошли по проторенному пути, так как уже имели «настроенный» изготовителем набор из пяти колоколов. Однако, мэр оказал нам тогда серьезную и, главное, оперативную поддержку, когда строители стали «тянуть» с завершением колокольни.

23 августа состоялось очередное расширенное совещание с участием Ю.М.Лужкова, на котором он распорядился полностью снять на следующий день наружные леса: обещал проверить. Но мы не успевали закончить все наружные работы и сняли неделей позже. В этой спешке забыли убрать металлическую скобу на южной стене трапезной, неизвестно для чего и с каких времен там находившуюся. Только в 2000 году при покраске стены это было сделано.

После засыпки котлована с юга и снятия всех лесов во дворе храма началась укладка бетонного покрытия. Возникли сложности с недостаточностью уклона в некоторых местах двора, а, следовательно, стока. Но надо отметить, что именно появление мостовой на месте многолетней непролазной грязи сразу подчеркнуло переход к новому этапу в восстановлении храма.

Как уже говорилось, завершение работ по медной кровле трапезной тормозилось лесами вокруг колокольни, опиравшимися со стороны храма на своды. Установленную в конце июля маковку позолотили довольно быстро, соорудив вокруг нее палатку, так как работа с сусальным золотом требует абсолютного безветрия. Завершили маковку крестом, дубовым, обитым медными листами и тоже позолоченным. А в звоннице усилили балки под колокола стальными корсетами. Также завершили молниевод на стене колокольни.

Пожалуй, единственным нерешенным вопросом этого периода являлось отсутствие лестниц и площадок на колокольне. Хотя настоятель нашел возможность рассказать о наших трудностях Лужкову, – в августе дело не сдвинулось. И только в самый последний день месяца был убран мусор и с Малого Толмачевского переулка, и храм впервые за годы восстановления снаружи полностью обрел пристойный вид.

Тем не менее, несмотря на штурм по наведению внешнего лоска, внутри практически только строительные работы продвигались вперед. Одной из главных и, по мнению куратора, самых сложных на тот период работ, было соединение подвала храма и инженерного корпуса переходом длиной немногим более трех метров. Уже давно конструкторы и строители продумывали процесс проходки под стеной: поэтапно или сразу, с промежуточными временными стойками или монтажом крепежа в целом. Проходка стены храма в направлении инженерного корпуса началась 3 августа. Не торопясь, отбойным молотком двое рабочих начали вгрызаться в старую белокаменную кладку. Но, отметим сразу, что основание белокаменного фундамента храма было выше уровня пола подвала инженерного корпуса примерно на метр. От просадки стену храма и страховала железобетонная стена подвала инженерного корпуса. Внутри храма фундамент также был упрочен железобетонной «ванной» подвального этажа уже самого храма. Эти технические детали оказались очень важ-

ны. Но тогда куратор над ними особенно не задумывался. Поэтому, когда он, через десять дней, после кратковременного отпуска, как обычно с утра, явился на объект и увидел, что трехметровый коридор шириной более двух метров готов, и исполнители с победной улыбкой показывают свою работу, – то пришел в ужас. Неровная каменная кладка потолка, опиравшаяся на такие же стены... не имела никакой крепи.

Легко было сообразить, что сверху давила не только кирпичная стена толщиной 120 см, а фактически колонна, на которую опиралась подпружная арка, принимавшая на себя распор главного придельного свода. То, что это не только не рухнуло, но даже ни дало трещины (а именно этот угол храма еще в прошлом веке не отличался прочностью) можно объяснить только «зажатостью» стены храма между теми бетонными поясами. Но искушать судьбу не стали: прораб распорядился срочно сварить поддерживавшую конструкцию из балок со сплошным потолком из металлического листа. Конструкция исключала большой обвал, но не просадку, так как неровный каменный потолок в нескольких точках на нее опирался. (Только через четыре месяца после неоднократных напоминаний прорабу туда был закачан раствор... А еще через четыре были сооружены и три марша главной лестницы от пробитого прохода в храм.)

На рубеже времен года в самом храме велась прокладка дополнительных каналов отопления, которые отсутствовали в проекте храма как концертного зала, поскольку под зал использовалась только трапезная. Поэтому левая часть временной солеи в четверике была демонтирована и началась пробивка канала, проходящего под дяконской дверью в алтарь. К этому моменту общиной алтарь был подготовлен к ведению работ. При проходке канала в солее был обнаружен фрагмент доски со славянской вязью, судя по всему, с ликвидированного в конце XVIII века погоста (илл.57). На расчистку доска была перенесена в депозитарий и теперь выставлена в экспозиции по истории храма.

В крещальне продолжались работы по купели. Ранее была сварена стальная наружная ванна, а теперь и внутренняя. По замыслу конструкторов все гидрокоммуникации находились между стенок. Идея была блестящая, вот только ванна исполнена была из черного металла, а не из нержавеющей. В будущем это может привести к коррозии, хотя перед облицовкой металл покрыли суриком. Наружную ванну наконец установили в пробитом углублении в полу и забетонировали. Долго вместе с конструктором В.Л.Глазуновским выставляли внутреннюю ванну по осям. Это было непросто, так как, похоже, наши строители никогда не делали стены строго по угольнику и по прямой. Поэтому как была построена крещальня, так была сварена и купель... Не сразу пришли к общему мнению с конструкторами по технологии обслуживания купели и связанного с этим количества вентилей, стоков, наличия раковины, но сегодня все работает... Немасштабная, но важная работа, с точки зрения церковных канонов, была проделана в главном алтаре: проложили канал напрямую из умывальника в дренаж на церковном дворе.

Ну и, наконец, традиционная, уже «застойная» тема: реставрация интерьера, теоретически перешедшая к новому субподрядчику, Петрову. На очередном совещании в УКСе им в начале августа была продемонстрирована плита для будущего пола из песчаника. Тогда же Суздалию были переданы размеры малых иконостасов и икон в них, а также комплект исторических фотографий по интерьеру храма. План

работ принимать не стали, так как их начало надо было отсчитывать от завершения строительных работ, которые еще продолжались.

Следующие переговоры с Суздалем прошли уже ближе к концу месяца у Родионова, на котором присутствовали кроме традиционных участников начальник Управления охраны памятников и еще представитель министерства культуры. Дополнения и изменения Петрова по главному иконостасу, как и должно было быть, отклонили. Им был представлен образец резьбы Царских врат. После этого по указанию Родионова Петрову были переданы все исторические деревянные капители колонн и некоторые другие детали резьбы. Больше мы их никогда не видели. Зато результатом переговоров стал протокол из четырех поручений...

К сожалению, дирекция так и не оформила приказом обещанный временный статус куратора по стройке. А пока на совещании, прошедшем после церемонии передачи строителями 4 сентября исторического корпуса галереи музея, директор заявил о переносе центра тяжести реконструкции музея на храм и просил куратора вместе с УКСом наметить очередной план работ и заказать в музее архитектуры копии чертежей иконостасов.

В сентябре, как обычно, после аврального августа по уже наметившейся традиции наступило затишье... Только к концу октября жизнь в храме начала оживляться. В ответ на просьбу Родионова о составлении графика работ по храму был представлен график, составленный куратором еще весной (так как выполнен фактически он не был).

По просьбе отдела комплектации УКСа куратор осмотрел 8 ноября изготовленную ограду на солею в фирме «Борей». Архитекторы допустили ошибку с боковыми дверцами, но поддававшуюся исправлению. На очередном штабе общиной был поставлен вопрос о скорейшем завершении бетонных работ по порталю перехода и лестницам. Беспокоила ситуация с подготовкой к зиме, а следовательно с состоянием оконных рам и с отоплением.

На тот период в храме практически было закончено оштукатуривание отопительных каналов, и они были готовы к монтажу отопительных приборов. Но пока финны монтировали воздухопроводы и разводку системы пожаротушения. А трубы из нержавеющей стали для водопровода и канализации уже были завезены.

18 ноября привезли все оконные рамы и за десять дней их успели установить почти везде в первом ярусе. Центральное окно главного алтаря представляло собой витраж из цветного стекла: крест желтого цвета на фоне бледно-голубых стекол. Наметили потом их заменить, как и стекла в нижнем ряду окон алтарей на матовые. Но уже одно было неплохо, что стекла во всех рамах, кроме колокольни, вставлены с каучуковыми прокладками.

В конце года неоднократно уточнялись вопросы интерьера подвала с о.Николаем, Астафьевым и Сидоренко. Критическая ситуация возникла с высотой коридора в подвале храма, особенно напротив входа в крещальню. Но решение этого вопроса переходило в следующий год...